

ИРВИН
ШОУ

✧
Вечер
в Византии
✧

✧ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✧

Ирвин Шоу

Вечер в Византии

«АСТ»

1973

Шоу И.

Вечер в Византии / И. Шоу — «АСТ», 1973

Он – «человек кино». Человек, настолько привыкший к своему таланту и успеху, что не замечает, как в чередѣ мимолетных интриг и интрижек, мелких уступок и компромиссов, случайных сделок с совестью талант и успех покидают его. И что же дальше – отчаянный «кризис среднего возраста» или боль прозрения и ясное, четкое осознание необходимости все начать вновь?

© Шоу И., 1973

© АСТ, 1973

Содержание

ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	22
ГЛАВА 4	32
ГЛАВА 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ирвин Шоу

Вечер в Византии

Irwin Shaw
Evening in Byzantium

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств The Sayle Literary Agency и The Marsh Agency Ltd.

© Irwin Shaw, 1973

© Перевод. Т.А. Перцева, 2000

© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Посвящается Салке Виртелу

Старомодные, никому не нужные, почти отжившие свой век, эти вымирающие, лишенные власти и могущества бронтозавры в спортивных рубашках от Салки и Кардена восседали за игорными столиками в просторных залах дворцов, возносившихся над вечно изменчивым морем, и сдавали карты, и брали взятки, снова и снова, неумолимо, неспешно, совсем как в те блаженные распрекрасные годы в джунглях на западном побережье, где во все времена года они правили бал в банках и правлениях компаний, особняках в мавританском стиле, французских шато, английских замках, георгианских загородных домах южной Калифорнии.

Время от времени раздавались телефонные звонки; в трубке слышались приветливые почтительные голоса из Осло, Нью-Дели, Парижа, Берлина, Нью-Йорка, и игроки что-то отрывисто рычали в ответ, отдавая приказы, которые несомненно и немедленно выполнялись бы. Только в другое время и в другом месте.

Свергнутые со своих тронов короли, совершавшие ежегодное паломничество, разделившие против собственной воли участь шекспировского Лира и сумевшие сохранить лишь небольшую свиту верноподданных, жившие в пышности и показном блеске, без всякого на то права, они говорили: «джину». И «шесть без козырей». И раздавали направо и налево чеки на тысячи долларов. Иногда они вспоминали доледниковый период:

– Свою первую работу она получила у меня. Семьдесят пять в неделю. В то время она жила в Долине с парнем, который ставил актерам речь.

Или:

– Он превысил смету на два с половиной миллиона, и нам пришлось через три дня гнать его в шею, а теперь взгляните только! Эти нью-йоркские болваны провозгласили его гением! Полное дерьмо!

И они говорили:

– Будущее за видео.

А самый младший в этой комнате – ему было всего пятьдесят восемь – удивлялся:

– *Какое будущее?*

И они говорили:

– *Пики. Удаиваю.*

Ниже, на открытой солнцу и ветру террасе, в семи футах над уровнем моря, более поджарые и жадные до жизни, еще не насытившиеся тоже обменивались мнениями. Гоняя снующих официантов за кофе и аспирином, они говорили:

– *Да, совсем не то что в старые добрые деньки.*

И еще они говорили:

– *В этом году русские не приедут. И японцы тоже.*

И:

– *С Венецией покончено.*

Под летящими облаками, то и дело заслонявшими солнце, вокруг них крутились скользкие на вид, изворотливые молодые люди с львятами ¹ под мышкой и полароидными камерами в руках. Они льстиво скалились профессиональными улыбками шлюх, спешивших заманить клиентов.

Но уже на второй день никто, кроме туристов, не обращал внимания на львят. Зато беседа по-прежнему текла плавной рекой.

– *«ФОКС» в провале, – говорили они.*

И:

– *А кто нет?*

– *Здесьшний приз стоит миллиона, – говорили они.*

– *В Европе, – говорили они.*

– *А чем плоха Европа? – говорили они.*

– *Эта картина годится только для фестиваля, – говорили они, – а в прокате... зрителей на нее не заманишь.*

И они говорили:

– *Что будете пить?*

И:

– *Сегодня идете на вечеринку?*

Они говорили на английском, французском, испанском, немецком, иврите, арабском, португальском, румынском, польском, голландском, шведском; говорили о сексе, деньгах, успехах, провалах, обещаниях, сдержанных и нарушенных. Среди них были честные люди и мошенники, сутенеры и сводники, были и порядочные личности. Некоторые были талантливы или более чем, некоторые проницательны или не слишком. Здесь были прекрасные женщины и восхитительные девушки, красивые мужчины или мужчины со свиными рылами вместо лиц. Камеры непрерывно жужжали, но все притворялись, будто не замечают, что их снимают.

Здесь были люди знаменитые и те, чья слава давно померкла, люди, которые приобретут известность на следующей неделе или в будущем году, и люди, которые так и умрут непризнанными ничтожествами. Люди, чье восхождение только началось, и люди, которые уже катились под гору, люди, с необычайной легкостью добившиеся победы, и люди, несправедливо отброшенные на обочину.

Все они были участниками азартной игры без правил и либо делали ставки безрассудно, полагаясь на удачу, либо потели и дрожали от страха.

В других местах и других собраниях люди науки предсказывали, что через пятьдесят лет море, лизавшее берег перед террасой, превратится в мертвую лужу и существует весьма сильная вероятность того, что это поколение последнее из тех, что имели возможность есть омаров или бросать в почву незараженные семена.

---

¹ Символ Каннского кинофестиваля. – Здесь и далее примеч. пер.

А еще где-то падали бомбы, выбирались объекты для стрельбы в цель, брались и терялись высоты, происходили извержения вулканов и наводнения, готовились войны, свержались правительства, гремела медь военных оркестров и звучали слова поминальных служб. Но здесь, на террасе, в цветущей весенней Франции, весь мир и вся вселенная в течение двух недель сосредотачивались на перфорированных полосках ацетатной пленки, проходивших через проектор со скоростью девяносто футов в минуту, а надежда, отчаяние, красота и смерть развозились по всему городу в плоских, круглых, блестящих жестяных яуфах².

---

² Коробка для пленки.

ГЛАВА 1

Самолет трясся и дергался, пробиваясь сквозь толщу черных облаков. На западе сверкали сполохи молний. Табличка на французском и английском с просьбой пристегнуть ремни продолжала светиться. Стюардессы не разносили напитков. Вой моторов резко изменил тембр. Пассажиры не разговаривали.

Высокий мужчина, стиснутый в кресле у окна, открыл было журнал, но тут же закрыл. Капли дождя оставляли на плексигласе длинные, прозрачные, похожие на пальцы призрака следы.

Раздался негромкий хлопок, потом оглушительный треск, словно рвались ярды невидимой ткани. Огненный клубок молнии невероятно медленно прокатился по проходу, оказался снаружи и разорвался где-то над крылом. Самолет дернулся, дрогнул, и двигатель пронзительно взвизгнул.

«Самый подходящий момент, чтобы брякнуться вниз, – подумал мужчина. – И покончить разом со всем, окончательно и бесповоротно».

Но самолет, выровнявшись, прорвался сквозь облака к солнцу и голубому небу. Дама, сидевшая через проход, заметила:

– Подумать только, это уже второй раз в жизни! Такое чувство, будто смерть пронеслась совсем рядом.

Табличка «Пристегните ремни» погасла. Стюардессы деловито толкали по проходам тележки с напитками. Мужчина попросил шотландское виски с перье, и стал медленно, с удовольствием пить. Басовито рокоча моторами, самолет стремился на юг, к сердцу Франции, окутанному облачной ватой.

Пытаясь окончательно проснуться, Крейг принял холодный душ, и хотя особых признаков похмелья не испытывал, все же ощущение, что глаза не успевают за движениями головы, его не оставляло. Как обычно в такие минуты, он давал себе слово весь день воздерживаться от спиртного.

Он наскоро вытерся, не обратив внимания на то, что с волос капала вода. Прохладная влага приятно освежала голову. Завернувшись в широкий белый махровый халат, любезно предоставляемый отелем, Крейг направился в гостиную своего «люкса» и позвонил, чтобы принесли завтрак. Накануне, ложась спать, он разбросал одежду по комнате, перед тем как выпить последнюю порцию виски, и теперь смокинг, крахмальная сорочка и галстук, донельзя смятые, валялись на стуле. Недопитый стакан с виски покрылся прозрачными капельками. Рядом стояла открытая бутылка.

Он взял почту из ящика, висевшего на внутренней стороне двери. Газета «Нис-матэн» и пакет с письмами, пересланными секретарем из Нью-Йорка. Одно от бухгалтера. Другое от адвоката. Месячная биржевая сводка от брокеров.

Он уронил нераспечатанные конверты на стол. Судя по тому, что творится на рынке ценных бумаг, маклерский отчет – скорее всего просто глас вопиющего в пустыне. Бухгалтер наверняка прислал весть о поражении Крейга в нескончаемой войне с налоговым ведомством. А послание адвоката, несомненно, касается жены. Все это вполне может подождать. Пожалуй, сейчас еще слишком рано, чтобы забивать голову мыслями о брокере, адвокате, бухгалтере и жене.

Он проглядел первую страницу «Нис-матэн». Сообщения телеграфного агентства о вводе дополнительных войск в Камбоджу. Рядом с камбоджийским репортажем – снимок итальянской актрисы, очаровательно улыбавшейся на террасе отеля «Карлтон». Несколько лет назад она получила приз в Каннах, но судя по улыбке, на новую надежд не питает. Еще одно фото:

президент Франции месье Помпиду в Оверни – заверяет молчаливое большинство французского народа, что страна отнюдь не находится на грани революции.

Крейг бросил газету на пол, как был босиком, пересек усталую комнату с высокими потолками, обставленную в стиле уже несуществующей русской аристократии, и вышел на балкон, с которого открывался вид на Средиземное море, плескавшееся за бетонными ограждениями набережной Круазетт. Три американских десантных судна, стоявших в заливе, ночью снялись с якоря и ушли. Дул сильный ветер, море казалось серым и взъерошенным и катило волны, увенчанные белыми барашками. Уборщики уже вычистили граблями песок и убрали надувные матрасы. Свернутые зонты трепетали на ветру. Рассерженный прибой с гулким шорохом накатывал на берег. Какая-то храбрая толстуха, не обращая внимания на приближение шторма, купалась прямо напротив отеля. Крейг подумал, что погода сильно изменилась с тех пор, когда он в последний раз был здесь.

Тогда стояла осень и сезон уже кончился. Индейское³ лето на побережье, никогда не знавшем индейцев. Золотистые туманы, осенние цветы приглушенных тонов. Крейг вспомнил Канны тех лет, когда розовые и янтарно-желтые особняки, утопавшие в зелени садов, возвышались вдоль набережной. Теперь же безвкусные, аляповатые многоквартирные дома с оранжевыми и ярко-синими маркизами над балконами уродовали побережье. Города, словно сказочная змея, пожирающая собственный хвост, имеют пагубную тенденцию к саморазрушению.

В дверь постучали.

– Entrez⁴, – отозвался он, не оборачиваясь и по-прежнему не отводя взгляда глаз от моря. Нет нужды указывать, где поставить столик. Он пробыл здесь уже три дня, и официант знает его привычки.

Но, вернувшись в комнату, он увидел вместо официанта незнакомую девушку. Невысокая, пять футов и три, возможно, четыре дюйма, машинально прикинул он. Серая трикотажная спортивная футболка, куда могут влезть трое таких, как она. Рукава, казалось, рассчитанные на лапищи баскетболиста, открывали худенькие загорелые запястья. Футболка, доходившая почти до колен, свободно болталась над выдававшими виды помятыми и выцветшими голубыми джинсами в подозрительно белесых пятнах. На маленьких ногах старые босоножки. Длинные неухоженные каштановые волосы, местами выгоревшие на солнце, свисали ниже плеч неровными спутанными прядями. Узкое с острым подбородком лицо; огромные солнечные очки, скрывавшие глаза, придавали ей забавный вид мультяшной совы. Общий вид несколько нарушала итальянская кожаная сумка-мешок с элегантными медными пряжками, чересчур шикарная для такой оборванки. При виде Крейга девушка неуволимо опустила плечи и сгорбилась. У него неожиданно возникло ощущение, что, если внимательно присмотреться, можно обнаружить, что она уже неделю не мыла ноги, по крайней мере с мылом.

«Американка, что с нее взять», – подумал он с типичным высокомерием шовиниста наизнанку, и потуже завернулся в халат. Это не имевшее пояса одеяние отнюдь не предназначалось для посторонних глаз. Малейшее движение – и все вылезает наружу.

– Я думал, что это официант, – бросил Крейг.

– Мне необходимо было вас застать, – пояснила девушка. Выговор американский, можно даже сказать, всеамериканский: не поймешь, откуда она.

Внезапное раздражение охватило его. В комнате черт ногу сломит, да тут еще эта девица ворвалась без приглашения.

– Обычно люди звонят, перед тем как явиться в гости, – проворчал он.

– Я боялась, что, если позвоню, вы откажетесь со мной говорить.

О Господи, одна из этих!

---

³ У нас – бабье лето.

⁴ Войдите (фр.).

– Почему бы не начать по новой, мисс? – холодно осведомился он. – Не спуститься вниз, не назвать портье свое имя, не подождать, пока он позвонит в номер, и...

– Но я уже здесь.

Похоже, она не из тех восторженных, вечно улыбающихся дурочек поклонниц, готовых растаять перед каждой знаменитостью.

– И сама могу представиться. Моя фамилия Маккиннон. Гейл Маккиннон.

– Мы где-то встречались?

В таких местах, как Канны, все возможно.

– Нет, – покачала она головой.

– Вы всегда вламываетесь к людям, когда они не одеты и еще не успели позавтракать?

Крейг неловко поежился, судорожно сжимая полы халата, то и дело норовившие распахнуться, смагивая падавшие с волос капли. Черт, она наверняка успела заметить поросль сидящих завитков на его груди и бардак в комнате!

– У меня важное дело, – сообщила девушка. До сих пор она не попыталась подойти к нему, но и не отступала. Просто стояла как вкопанная, шевеля большими пальцами ног.

– У меня тоже дела, юная леди, – парировал Крейг, еще острее чувствуя, как неприятно липнут ко лбу мокрые волосы. – Я намеревался спокойно позавтракать, прочитать газету и в тишине и спокойствии подготовиться к ужасам грядущего дня.

– Не будьте занудой, мистер Крейг. Ничего плохого я вам не сделаю. Кстати, вы один?

Она многозначительно кивнула на приоткрытую дверь спальни.

– Моя дорогая юная дама...

«Тон у меня, как у девяностолетнего старикашки», – досадливо подумал он.

– Видите ли, я следила за вами, – пояснила она, – целых три дня, и за все время вы сюда ни разу никого не привели. То есть ни одну женщину.

Она украдкой оглядела комнату, и Крейг не преминул заметить, что ее взгляд чуть дольше, чем надо, задержался на лежавшем на письменном столе сценарии.

– Кто вы? – нехотя поинтересовался он. – Детектив?

Девушка улыбнулась, или, вернее сказать, раздвинула губы в улыбке. Определить, что при этом выражали скрытые очками глаза, было невозможно.

– Не бойтесь, – заверила она, – я кто-то вроде журналиста.

– Увы, Джесс Крейг – это вчерашний день. Ничего нового в этом сезоне, мисс. Желая хорошо провести время, и прощайте. Он шагнул к двери, но девушка не шевельнулась.

В дверь снова постучали, и на пороге возник официант, принесший поднос с апельсиновым соком, кофе, круассанами, тостами и маленький раскладной столик.

– Bonjour, m'sieur et'dame⁵, – приветствовал он, скользнув взглядом по девушке.

«Французы, – подумал Крейг. – Умеют же с совершенно невозмутимым видом залезть женщине глазами под юбку!»

Отлично понимая, какое впечатление произвел на официанта наряд девушки, Крейг отчего-то с трудом поборол желание стереть его с лица земли за этот плотоядный взгляд. Как ему хотелось бесстыдно выкрикнуть: «Неужели ты думаешь, что я не способен найти себе кого-нибудь получше?!»

– Я думать, завтрак один, – заявил официант на ломаном английском.

– Я заказывал один завтрак, – подтвердил Крейг.

– Почему бы вам не расщедриться, мистер Крейг, и не попросить принести еще одну чашку? – нагло встала девица.

– Еще одну чашку, пожалуйста, – со вздохом сдался Крейг. Всю жизнь он маялся оттого, что автоматически следовал правилам хорошего тона, с детства вбитым в него матерью.

---

⁵ Добрый день месье, мадам (фр.).

Официант расставил столик и подвинул два стула.

– Один момент, – пообещал он, исчезая за дверью.

– Пожалуйста, садитесь, мисс Маккиннон, – пробормотал Крейг, надеясь, что от нее не укроется ирония, таившаяся в подчеркнуто-вежливом предложении.

Он даже отодвинул одной рукой стул, ухитряясь при этом придерживать халат другой. Девушка явно забавлялась. По крайней мере насколько можно было судить по выражению ее лица от носа и ниже. Она опустилась на стул и поставила сумку на пол рядом с собой.

– А теперь прошу простить, – извинился Крейг. – Пойду и переоденусь в более подходящий к случаю костюм.

Но прежде чем уйти, он взял со стола сценарий, бросил в ящик и, не потрудившись захватить смокинг и сорочку, направился в спальню и плотно прикрыл за собой дверь. Оказавшись наконец один, Крейг вытер голову, причесался, потер щеку, решая, стоит ли побриться, но тут же покачал головой. Обойдется. Натянул белую тенниску, синие хлопчатобумажные слаксы, сунул ноги в мокасины и мельком взглянул в зеркало. Черт возьми, до чего же противно, когда глаза такие мутные, словно пленкой затянуты!

Когда Крейг вернулся в гостиную, девушка уже разливала кофе.

Он молча выпил сок. Девушка, казалось, не спешила наброситься на него с расспросами. Интересно, со сколькими женщинами садился он завтракать, надеясь, что они не станут трещать как сороки?

– Круассан? – осведомился он.

– Нет, спасибо, – отказалась девушка. – Я уже ела.

«Какое счастье, – думал он, откусывая тост, – что хоть все зубы целы!»

– Ну, – произнесла девушка, – разве не идиллия? Гейл Маккиннон и мистер Джесс Крейг улучили спокойную минутку в бурном водовороте каннской жизни.

– М-да, – нерешительно протянул Крейг.

– Означает ли это, что мне пора начинать допрос?

– Нет, – возразил он, – это означает, что допрос начинаю я. Где вы работаете?

– Я радиожурналистка. Работаю по договорам, – пояснила она, поднося чашку ко рту. – Делаю пятиминутные зарисовки. Нечто вроде записанных на пленку душевных бесед для синдиката, который потом перепродает их частным американским радиостанциям.

– Бесед? С кем?

– С интересными людьми, разумеется. По крайней мере синдикат на это надеется, – отвечала она невыразительным глухим голосом, словно эта тема смертельно ей надоела. – Кинозвезды, режиссеры, художники, политики, преступники, гонщики, дипломаты, дезертиры, личности, уверенные в том, что гомосексуализм или марихуана должны быть узаконены, детективы, президенты колледжей... Хотите еще?

– Нет, – покачал головой Крейг, наблюдая, как она с видом примерной хозяйки дома наливает ему еще кофе. – А что вы делаете, кроме этого?

– Пытаюсь брать интервью для толстых журналов. Так сказать, докапываюсь до сути людей. Почему такая брезгливая гримаса?

– Докапываетесь, значит, – повторил Крейг.

– Вы правы, – согласилась девушка. – Идиотский жаргон. Прилепится – потом не отвыкнешь. Больше не буду. Клянусь.

– Значит, утро не пропало даром, – констатировал Крейг.

– Интервью вроде тех, что в «Плейбое». Или у Фалаччи. Помните, в нее стреляли мексиканские солдаты?

– Я читал пару ее интервью. Она буквально расправилась с Феллини. И разделала Хичкока, как мясник – тушу.

– Может, они сами себя прикончили.

– Должен ли я считать это предупреждением?

– Как хотите.

Было в этой девушке нечто смутно его тревожащее. Отчего у него создалось впечатление, будто она хочет чего-то большего, чем пытается показать.

– В настоящее время, – заметил он вслух, – этот город просто кишит людьми, умирающими от желания прославиться. Или по крайней мере дать интервью. Людьми, о которых ваши читатели, кем бы они ни были, до дрожи, до истерики мечтают получить любого рода сведения. Я же ничто, никто и звать никак, обо мне не слышно вот уже целую вечность. С чего вдруг такой интерес?

– Как-нибудь расскажу подробнее, мистер Крейг, – пообещала она. – Когда мы узнаем друг друга получше.

– Пять лет назад, – процедил он, – я вышиб бы вас пинками за дверь сразу, как только увидел.

– Поэтому я и не подумала взять у вас интервью пять лет назад. – Она снова улыбнулась, снова на миг превратившись в эту самую мудрую совушку.

– Вот что я вам скажу, – объявил наконец Крейг. – Покажите мне те интервью, которые уже успели взять, я прочту и решу, стоит ли рисковать.

– Не могу, – отказалась она.

– Интересно, почему?

– Я еще ничего не публиковала, – призналась девушка, словно радуясь этому обстоятельству. – Вы будете моей первой жертвой.

– Господи, мисс, – досадливо бросил Крейг, вставая, – не тратьте даром мое и свое время. Но девушка продолжала сидеть.

– Честное слово, я стану задавать самые неожиданные и волнующие вопросы, а вы дадите столь занимательные ответы, что издатели станут драться за право опубликовать статью.

– Аудиенция окончена, мисс Маккиннон. Надеюсь, вы прекрасно проведете время на Лазурном берегу.

Девушка по-прежнему не двигалась с места.

– Для вас это не менее выгодно, мистер Крейг, – обронила она. – Я могу вам помочь.

– С чего вы взяли, что я нуждаюсь в помощи? – удивился он.

– За все эти годы вы ни разу не посетили Каннский фестиваль. И отвергали сценарий за сценарием. Ваше имя не появлялось на экране с 1965 года. А теперь вы вдруг прибываете, останавливаетесь в роскошном «люксе», каждый день показываетесь в Главном зале, на террасе, на всех официальных мероприятиях. Значит, в этом году вам что-то здесь понадобилось. И что бы это ни было, большая броская статья о вас могла бы стать именно той волшебной палочкой, которая поможет вам получить желаемое.

– Откуда вы знаете, что я впервые приехал на фестиваль?

– О, я много чего о вас знаю, мистер Крейг, – заверила она. – Я всегда готовлюсь на совесть.

– Вы напрасно явились, мисс, – упрямо повторил он. – Боюсь, мне придется просить вас уйти. У меня сегодня нелегкий день. Дел полно.

– А чем вы собираетесь заняться сегодня? – как ни в чем не бывало поинтересовалась она и, словно назло, с вызывающим видом надкусила круассан.

– Полежу на пляже, – начал он, – послушаю, как шумят волны, докатившиеся сюда из самой Африки. Вот пример того занимательного ответа, который я мог бы вам дать.

Девушка вздохнула, как мамаша, вынужденная сносить капризы разгулявшегося чада.

– Ладно, – смирилась она, – придется пойти против своих принципов, но я позволю вам кое-что прочитать. – Она полезла в сумку и вытащила стопку желтой бумаги, покрытую вязью машинописных букв. – Вот, возьмите.

Но Крейг демонстративно спрятал руки за спиной.

– Не ребячьтесь, мистер Крейг, – резко бросила она. – Прочтите. Это о вас.

– Ненавижу читать что бы то ни было о себе.

– Не лгите, мистер Крейг, – потеряла терпение Гейл.

– У вас на редкость оригинальная манера завоевывать доверие тех, кого пытаетесь интервьюировать, мисс, – проворчал он, но все же взял листочки и подошел к окну, где было светлее, поскольку последнее время читать без очков становилось все труднее.

– Если интервью купит «Плейбой», – размечталась девушка, – то, что вы сейчас держите в руке, станет чем-то вроде вступления, перед обычными вопросами и ответами.

Крейг подумал, что девушки из «Плейбоя» по крайней мере причесываются, перед тем как ввалиться к незнакомому человеку.

– Не возражаете, если я налью себе еще кофе? – спросила она.

– Ради Бога, – отозвался Крейг и под тихое звяканье фарфора стал читать.

«У широкой публики слово „продюсер“, как правило, вызывает не слишком приятные ассоциации. Человек непосвященный обычно представляет кинопродюсера тучным, осанистым джентльменом иудейской национальности с неизменной сигарой в зубах, своеобразным лексиконом и отвратительным пристрастием к молоденьким старлеткам.

Для тех романтиков, которые находятся под влиянием идеализированного образа покойного Ирвинга Талберга, героя незаконченного романа Ф. Скотта Фицджеральда „Последний магнат“, продюсер – гениальная, но таинственная фигура, нечто вроде великодушного Свенгали, полумага, полуполитика, странным образом напоминавшего самого Фрэнсиса Скотта Фицджеральда в самые знаменательные моменты его жизни.

Имидж театрального продюсера куда менее красочен. Его куда реже представляют евреем, да еще толстым, хотя и особого восхищения он не вызывает. Если он добивается успеха, ему завидуют как счастливчику, которому случайно попала в руки пьеса, прежде без толку валявшаяся на письменном столе, а после ему еще и повезло напасть на спонсора, который отстегивает на постановку кучу денег. Остается только ничтоже сумняшеся пожинать плоды в виде славы и богатства и карабкаться наверх, бессовестно эксплуатируя таланты актеров, чью работу продюсер чаще всего бездарно портит, пытаясь приспособить к требованиям бродвейского рынка.

Как ни странно, в родственной сфере, а именно в балете, слава достается тем, кто ее заслуживает. Дягилев, который, как известно, никогда не танцевал, не поставил ни одного па-де-де, ни разу не взял в руки кисть, чтобы нарисовать декорацию, снискал признание всего мира как гениальный новатор современного балета. И хотя Голдвин (еврей, худой как щепка, не курит), Занук (не еврей, стройный, курит сигары), Селзник (еврей, толстый, сигареты) и Понти (итальянец, полный, не курит), возможно, не те, которых журналы вроде „Комментари“ и „Партизен ревю“ называют культовыми фигурами в искусстве, которому они служат. Фильмы, которые они выпустили, отмечены отчетливым отпечатком их индивидуальности и оказали заметное воздействие на образ мыслей и жизненные позиции зрителей всего мира, что, вне всякого сомнения, доказывает: посвящая себя именно этой сфере деятельности, эти люди имели на своей стороне нечто большее чем всего лишь удачу, деньги или влиятельных родственников».

«Ничего не скажешь, – подумал Крейг, – слог у нее бойкий. И с грамматикой все в порядке. Должно быть, училась где-то». Однако раздражение, вызванное беспардонностью Гейл Маккиннон, так бесцеремонно ворвавшейся к нему сегодня утром, все еще не улеглось. Еще больше его бесило ощущение того, что он беспрекословно подчинится ей. Больше всего ему хотелось отбросить желтые странички и попросить Гейл убраться из номера. Но тщеславие его уже было задето, и, кроме того, не терпелось узнать, какое место в этом реестре героев

занимает имя Джесса Крейга. Он с трудом удержался, чтобы не обернуться и не присмотреться к ней пристальнее. Нет, сначала он прочтет до конца.

«Все приведенное выше, – говорилось дальше, – как нельзя более верно по отношению к американскому театру. В двадцатых годах Лоренс Ленгнер и Терри Хелберн, основавшие театральную гильдию, открыли новые горизонты драмы, а в конце сороковых, занимаясь исключительно продюсерской деятельностью, преобразили наиболее американизированную из всех театральных форм – музыкальную комедию, поставив „Оклахому“. Клерман, Страсберг и Кроуфорд – трио, возглавлявшее „Групп театр“, – иногда снисходили до того, чтобы ставить спектакли, однако прославились своим выбором весьма спорных, если не сказать – острых пьес, а также системой подготовки членов труппы к игре в ансамбле с другими актерами».

Да, ничего не скажешь, девочка не лжет. Она действительно подготовилась. Когда все это происходило, ее еще на свете не было.

Он поднял глаза:

– Могу я спросить вас кое о чем?

– Разумеется.

– Сколько вам лет?

– Двадцать два, – с вызовом бросила девушка. – А что, это имеет какое-то значение?

– Все всегда имеет значение, – кивнул он и с невольным уважением продолжал читать.

«Нетрудно вспомнить и другие, еще не забытые имена, но есть ли необходимость в дальнейших доказательствах? Почти всегда находился человек, кем бы он себя ни считал, принимавший на себя тяжелый труд открывателя талантов для фестивалей, на которых Эсхил соперничал с Софоклом. Именно Барбедж заботился о том, чтобы театр „Глобус“ процветал в те далекие дни, когда Шекспир принес ему читать своего „Гамлета“.

В этом длинном и почетном списке имя Джесса Крейга занимает не последнее место».

«Теперь держись, – подумал Крейг. – Мало не покажется».

«Джесс Крейг, – прочел он, – впервые привлек к себе внимание зрителей и прессы в 1946 году, когда ему исполнилось двадцать четыре года, представив широкой публике своего „Пехотинца“ – одно из немногих правдивых драматических произведений о Второй мировой войне. В период с 1946 по 1965 год Крейг поставил еще десять пьес и двенадцать фильмов, значительная часть которых пользовалась кассовым успехом и получила одобрение самых взыскательных критиков. После 1965 года ни на сцене, ни на экране не появилось ни одной работы с его участием».

Тишину пререзал телефонный звонок.

– Простите, – вежливо пробормотал он, взяв трубку. – Крейг у телефона.

– Я разбудила тебя?

– Нет, – коротко бросил он, опасливо поглядывая на девушку. Та неловко скорчилась на стуле: жалкая, смехотворная фигурка в мешковатом свитере.

– Надеюсь, всю эту ужасную ночь ты упивался сладострастными снами, в которых я была главной героиней?

– Что-то не припомню.

– Скотина. Развлекаешься?

– Угу.

– Наглая скотина, – обиделась Констанс. – Ты один?

– Нет.

– Ага!

– Можно подумать, ты плохо меня знаешь.

– Так или иначе, свободно говорить ты не можешь.

– Не совсем. Ну, как Париж?

– Пекло. И французы, как всегда, невыносимы.

– Откуда ты звонишь?

– Из офиса.

Тоже мне, офис! Маленькая, тесная каморка на улице Марбеф, где вечно толпятся молодые люди и девушки, похожие скорее на потенциальных самоубийц, которые только что в одиночку пересекли на шлюпках Атлантический океан, а не прибыли сюда на теплоходах, грузовых судах и самолетах, чтобы отправиться в турпоездку по стране. Это и была ее работа – устраивать студенческие экскурсии. Любого посетителя моложе тридцати и в любом состоянии Констанс приветствовала с распростертыми объятиями, но, только уловив запах «травки», поднималась из-за стола и, театрально указав на дверь, повелевала очистить комнату.

– Боишься, что кто-то подслушает? – спросил он. Констанс, терзаемая манией преследования, постоянно подозревала, что ее телефоны прослушиваются: французской налоговой службой, американским бюро по борьбе с наркотиками, отставными любовниками, занимавшими теплые местечки в различных посольствах.

– Я не говорю ничего такого, чего не знали бы сами французы. Их недостатки – предмет их неизменной гордости.

– Как дети?

– Нормально. С успехом держат равновесие. Один ангелочек и один дьяволенок. Так что все как всегда.

Констанс была замужем дважды: один раз за итальянцем, второй – за англичанином. Мальчик был отпрыском итальянца и к одиннадцати годам имел за плечами уже четыре школы, из которых его неизменно вышвыривали.

– Вчера Джанни опять отправили домой, – с привычным смирением сообщила Констанс. – Едва не устроил групповой секс на уроке рисования.

– Брось, Констанс! Это уже слишком!

Констанс всегда была склонна к преувеличениям.

– Ну, не групповой секс, разумеется. Кажется, пытался выкинуть из окна какую-то очкастую малышку. Утверждает, что она на него глазела. Но так или иначе, все обошлось. Он сможет вернуться в школу денька через два. Похоже, что по окончании семестра Филиппу премируют «Критикой чистого разума». Подсчитали ее ай-кью⁶ и теперь говорят, что она в будущем вполне может стать президентом «Ай-Би-Эм».

– Передай, что я привезу ей из Канн синюю матросскую форменку.

– А заодно и мужчину, которого можно обрядить в эту форменку, – посоветовала Констанс, убежденная, что дети, подобно ей самой, просто одержимы сексом. Филиппе было всего девять, и, на взгляд Крейга, она почти не отличалась от его собственных дочерей в этом возрасте. Если, конечно, не обращать внимания на то, что она не встает, когда в комнату входят взрослые, и иногда употребляет заимствованные из материнского лексикона выражения, которые Крейг предпочел бы не слышать из уст ребенка.

– А как твои дела? – поинтересовалась Констанс.

– О'кей.

Гейл Маккиннон вежливо встала и удалилась на балкон, хотя Крейг был уверен, что она слышит каждое слово.

– Кстати, – вспомнила Констанс, – вчера вечером я замолвила за тебя словечко твоему старому приятелю.

– Спасибо. Кто он?

– Я ужинала с Дэвидом Тейчменом. Он всегда звонит мне, когда бывает в Париже.

– Как и десять тысяч других людей, так что в этом он не оригинален.

– Не хочешь же ты, чтобы я ужинала в одиночестве?

---

⁶ Коэффициент умственного развития.

– Ни за что.

– Кроме того, ему уже сто лет. Он тоже собирался в Канны. Сказал, что подумывает о создании новой компании. Я намекнула ему, что у тебя наверняка что-то для него найдется. Он пообещал связаться с тобой. Не возражаешь? В худшем случае он просто безвреден.

– Только не повтори это при нем! Он умрет, если услышит нечто подобное.

Дэвид Тейчмен терроризировал Голливуд вот уже более двадцати лет.

– Зато я сделала все, что могла. – Она громко вздохнула прямо в трубку. – Не представляешь, каким ужасным было утро. Я проснулась, пошарила рукой по кровати и сказала: «Чтоб его черти взяли».

– Почему?

– Потому что тебя рядом не было! Ты скучаешь?

– Да.

– Тон у тебя такой, словно говоришь из полицейского участка.

– Что-то в этом роде.

– Не вешай трубку. Мне все ужасно надоело. Ты вчера ел на ужин буйабес?⁷

– Нет.

– Ты тоскуешь по мне?

– Я уже ответил.

– Ничего себе ответ! Любая девушка посчитает его равнодушным.

– Я не хотел, чтобы ты так подумала.

– Жалеешь, что меня с тобой нет?

– Да.

– Назови меня по имени.

– Предпочел бы не делать этого.

– После нашего разговора я паду жертвой мрачных подозрений.

– Не стоит.

– Этот звонок – сплошная зряшная трата денег. Заранее ненавижу завтрашнее утро.

– Почему?

– Потому что опять проснусь, протяну руку, а тебя снова нет.

– Не будь жадугой.

– Что делать, я очень алчная леди. Когда выставишь из номера всех незваных гостей, перезвони мне, ладно?

– Так и быть.

– Назови меня по имени.

– Надоеда.

На другом конце линии раздался смех и что-то шелкнуло. Констанс отключилась. Крейг повесил трубку. Девушка вернулась с балкона.

– Надеюсь, я вам не помешала, – посетовала она.

– Вовсе нет, – заверил Крейг.

– После звонка у вас вид куда счастливее.

– Да? Не заметил.

– Вы всегда так отвечаете на звонки?

– Как именно?

– «Крейг у телефона».

Он на минуту задумался.

– Да... по-моему. А что?

– Звучит так... так казенно, – протянула девушка. – Ваши друзья не обижаются?

---

⁷ Рыба в белом вине.

– Мне, во всяком случае, об этом ничего не известно.

– Ненавижу казенщину, – призналась Гейл. – Если бы мне пришлось с утра до вечера сидеть в офисе... – Она выразительно пожала плечами и снова присела к столу. – Как вы оцениваете прочитанное?

– Еще в самом начале карьеры я взял себе за правило никогда не судить о целом по его части, тем более когда работа не закончена.

– Но все же намереваетесь дочитать до конца?

– Да, – кивнул Крейг.

– Обещаю быть спокойной, как тихая звездная ночь.

Она поудобнее устроилась на стуле, откинулась на спинку и скрестила ноги. Крейг заметил, что ступни у нее все-таки чистые, и вспомнил, сколько раз приказывал дочерям не сутулиться. А они все-таки отказывались сесть прямо. Целое поколение с плохой осанкой.

Он снова поднял желтые листочки и стал читать.

«Это интервью Крейг согласился дать Г. М. В гостинной своего „люкса“ (за который платит сто долларов в сутки) в отеле „Карлтон“, розовой, напоминающей безвкусно украшенный торт штаб-квартире всех приезжающих на Каннский кинофестиваль VIP-персон. Крейг – высокий, стройный, медлительный костлявый мужчина с седеющими густыми волосами, длинными и небрежно зачесанными назад, ото лба, изборозжденного бесчисленными морщинами. Глаза – холодные, светло-серые, глубоко посаженные камешки – бесстрастно взирают на вас сквозь полуопущенные ресницы. Ему сорок восемь, выглядит он на свои годы и производит впечатление стражника, наблюдающего в бойницу на крепостной стене за приближающимися вражескими войсками. Голос, в котором еще чувствуется его родной нью-йоркский выговор, низок и чуть хрипловат. Манеры старомодные, безликие и вежливые. Стиль одежды строго консервативен, особенно для этого города, наводненного крикливо-павлиньими нарядами, как женскими, так и мужскими. Его вполне можно принять за преподавателя литературы Гарвардского университета, проводящего летние каникулы в Мене.⁸

Он некрасив: слишком невыразительные и жесткие черты лица, а рот чересчур тонкий и плотно сжат. В Каннах, где немало собравшихся знаменитостей работали либо на него, либо с ним и где он был тепло встречен, у него, похоже, множество знакомых, но совсем нет друзей. Два из трех вечеров после своего приезда он ужинал один, и в каждом случае неизменно выпивал до еды три martini и бутылку вина за едой без каких бы то ни было видимых последствий».

Крейг покачал головой и бросил стопку на книжную полку у окна. Три-четыре листочка остались непрочитанными.

– В чем дело? – осведомилась девушка, внимательно за ним наблюдавшая. Он ощущал ее пристальный взгляд даже через темные очки и поэтому старался ничем не выразить своего отношения к статье. – Обнаружили какой-то ляп?

– Нет, просто нахожу главного героя крайне несимпатичным.

– Доберитесь до конца, – посоветовала она, – увидите, как он изменится к лучшему.

Она встала, но не подумала распрямить плечи и по-прежнему некрасиво сутулилась.

– Я оставляю это вам. Представляю, какой напруг – читать что-то под бдительным оком автора.

– Пожалуй, захватите эту штуку с собой, – посоветовал Крейг, взмахом руки показывая на горку бумажных листков. – Я прославился своей рассеянностью. Вечно теряю рукописи.

– Ничего страшного, – заверила она. – У меня осталась копия.

Телефон снова затрещал. Крейг взял трубку.

– Крейг у телефона, – бросил он по привычке, но, взглянув на девушку, пожалел, что у него вырвалась стандартная фраза.

---

⁸ Историческая провинция во Франции.

- Старина!
- Привет, Мерф! Ты где?
- В Лондоне.
- И как тебе там?
- Дышат на ладан, – сообщил Мерфи. – Не пройдет и полугода, как они начнут превращать студии в коровники для откорма черных быков. А как у тебя?
- Холодно и ветрено.
- Все равно лучше, чем здесь, – решил Мерфи, который, по обыкновению, так громко разорялся, что, должно быть, все, кто был рядом, его слышали. – Наши планы изменились. Летим к тебе сегодня, а не на следующей неделе. Сняли номер в «Отель дю Кап». Пообедаешь с нами завтра?
- Разумеется.
- Превосходно, – обрадовался Мерфи. – Соня передает привет.
- А я – ей.
- Только никому не говори о моем приезде, – предупредил Мерфи. – Я хочу немного отдышаться. Не собираюсь сразу рваться на фестиваль, чтобы по три раза на день сталкиваться с брызжущими слюной итальяшками.
- Могила, – заверил Крейг.
- Сейчас позвоню в отель, – пообещал Мерфи, – и прикажу поставить вино на лед.
- А я сегодня дал обет трезвости, – сокрушенно заметил Крейг.
- Только через мой труп, дружище. До завтра.
- До завтра, – повторил Крейг и повесил трубку.
- Я невольно подслушивала, – вмешалась девушка. – Это ведь ваш агент, верно? Брайан Мерфи?
- Откуда вы столько знаете? – резче, чем намеревался, бросил Крейг.
- Все на свете знают Брайана Мерфи. Как по-вашему, он согласится поговорить со мной?
- Об этом вам придется спросить его, мисс. Он мой агент, а не наоборот.
- Наверное, согласится. Он еще никому не отказывал, – решила Гейл. – Так или иначе, спешить некуда. Посмотрим, как пойдут дела. Было бы неплохо, если бы я присутствовала при вашем разговоре этак часок-другой. Но лучший способ взять по-настоящему хорошее интервью – позволить мне поболтать возле вас несколько дней. Молчаливое восхищенное присутствие. Можете представить меня своей племянницей, секретаршей или любовницей. Я обещаю надеть приличное платье. У меня прекрасная память, так что даю слово не делать никаких замечаний, чтобы не смущать вас. Буду просто слушать и наблюдать.
- Пожалуйста, не настаивайте, мисс Маккиннон, – попросил Крейг. – Я никак не соберусь с мыслями. Бессонная ночь и все такое.
- Ладно, сегодня больше не буду вам надоедать. Сейчас исчезну. Предоставляю вам честь все до конца и хорошенько обдумать.
- Она небрежно повесила на плечо сумку, быстрыми, деловитыми, отнюдь не женственными движениями. И горбиться перестала.
- Я буду рядом. Повсюду. Куда бы вы ни кинули взгляд, узрите Гейл Маккиннон. Спасибо за кофе. И не трудитесь меня провожать.
- Прежде чем он успел возразить, Гейл испарилась.

ГЛАВА 2

Он медленно мерил шагами комнату. До чего же она ему не нравится! Типичное обиталище богатых бездельников, у которых только и забот, что решать каждое утро, пойти или нет купаться и в каком ресторане пообедать.

Он закупорил бутылку виски и убрал ее в шкафчик. Сгреб свои вещи, запотевший полупустой стакан и оттащил все в спальню, бросив одежду на кровать, в которой провел ночь. Простыни и одеяла сбились. Вторая кровать осталась несмятой. Кто бы ни была та дама, для которой ее приготовила горничная, она предпочла провести ночь где-то в другом месте. Из-за этого комната казалась одинокой и пустой.

Крейг зашел в ванную и вылил все из стакана в раковину. Ну вот, некоторое подобие порядка наведено.

Он вернулся в гостиную, вынес в коридор столик с остатками завтрака и, войдя в номер, запер за собой дверь. На письменном столе громоздилась неряшливая стопка брошюр и рекламных буклетов различных фильмов. Мусор. Он одним махом сбросил все в корзину для бумаг. Чужие надежды, вранье, таланты, жадность.

Полученные утром письма лежали рядом с рукописью мисс Маккиннон. Он решил начать с них. Как ни тяни, а придется хотя бы пробежать их глазами и, конечно, ответить.

Он вскрыл первый конверт. Письмо от бухгалтера. Что может быть важнее подходящего налога?

«Дорогой Джесс, – писал бухгалтер, – боюсь, что ревизия за 1966 год даст не слишком обнадеживающие результаты. Этот ублюдок, ваш налоговый инспектор, уже пять раз шнырял по вашему офису. Я пишу это письмо дома, на своей пишущей машинке, чтобы не оставлять копий, и советую вам немедленно сжечь его, как только прочтете.

Как вы помните, мы были вынуждены уклониться от проверки ваших доходов за 1966 год в установленный трехлетний срок, поскольку этот год был последним, когда вы действительно делали какие-то реальные деньги. Брайан Мерфи провел эту сделку по счетам европейской компании, потому что большая часть фильма была отснята во Франции, и все считали эту операцию вполне законной, тем более что деньги, взятые в кредит вашей компанией под будущие прибыли, считались не столько обычным доходом, сколько приростом капитала. Но теперь налоговое управление оспаривает правомерность таких действий, а их сукин сын инспектор просто жаждет крови.

Кроме того (учтите, это строго между нами), он, по-моему, еще и проходимец. Посмел намекнуть мне, что если вы сами с ним договоритесь, он лично составит декларацию так, что комар носа не подточит. За соответствующее вознаграждение, разумеется. Обмолвился, что никто не пожалеет за такую работенку восьми тысяч долларов. Вы, разумеется, знаете, что я на это не пойду. Да и вы, насколько мне известно, никогда не пускались в подобные авантюры. Но я считаю, что вы должны знать, где собака зарыта. Если собираетесь что-то предпринять, немедленно возвращайтесь и потолкуйте с ублюдком сами. Только потом не посвящайте меня в подробности.

Мы могли бы обратиться в суд и скорее всего выиграть дело, поскольку сделка оформлена безупречно и может выдержать любую проверку прокуратуры. Но должен предупредить, что судебные издержки составили бы около ста тысяч. А учитывая ваши известность и репутацию, нетрудно представить, какой вой подняли бы газеты, обвиняя вас в уклонении от уплаты налогов.

Думаю, вполне возможно договориться с ублюдком и отделаться примерно двумя третями этой суммы. Советую не медлить и побыстрее все утрясти, тогда можно за годик-другой

возместить утраченное. Если соберетесь ответить, пишите на мой домашний адрес. Моя контора слишком велика, и никогда не знаешь, кто тебя продаст, не говоря уже о том, что правительство не гнушается перлюстрировать частные письма.

Всех благ, Лестер».

Возместить утраченное за годик-другой! Должно быть, в Калифорнии теперь никогда не заходит солнце! Недаром бедняге Лестеру все представляется в радужном свете!

Крейг разорвал письмо на мелкие клочки и бросил в корзинку. Можно, конечно, и сжечь, но не слишком ли это мелодраматичный жест? Кроме того, весьма сомнительно, что налоговое управление зайдет настолько далеко, чтобы подкупать горничных по всему Лазурному берегу, требуя от них склеивать обрывки всех писем, найденных в мусорных корзинках.

Патриот, ветеран войны, законопослушный гражданин и примерный налогоплательщик, Крейг думать отказывался, на что мистер Никсон, Пентагон, ФБР и конгресс пустят его кровные шестьдесят – семьдесят тысяч. Есть предел моральным терзаниям, которым способен подвергнуть себя человек, находящийся пусть и теоретически, но на отдыхе. Может, стоило позволить Гейл Маккиннон прочитать сегодняшнюю почту. Поклонники «Плейбоя» будут в восторге: Дягилев – покорный раб почтовой марки.

Крейг потянулся было за письмом от поверенного, но, тут же передумав, взял стопку желтых страничек, взвесил на руке, нерешительно подержал над корзинкой... быстро перелистал.

«Ему сорок восемь, выглядит он на свои годы», – прочел он. Интересно, каким кажется сорокавосемилетний мужчина двадцатидвухлетней девушке? Развалиной? Руинами Помпеи? Верденскими окопами? Хиросимой?

Крейг уселся за письменный стол и начал читать с того места, на котором остановился. Пора увидеть себя глазами окружающих.

«Он совсем не похож на сибарита, потакающего собственным желаниям, – продолжала Гейл, – и, по общему мнению, не слишком потакает ближним. Поэтому в некоторых кругах за ним укрепилась репутация человека жесткого. Он нажил много врагов, и среди его бывших союзников есть и такие, кто обвиняет его в вероломстве. Подтверждением этого можно считать тот факт, что он никогда не ставил более одной пьесы какого-либо автора и в отличие от других продюсеров так и не завел любимчиков среди актеров. Нужно признать, что, когда две его последние картины провалились (убыток составляет более восьми миллионов долларов), собравшись по кинематографу отнюдь не спешили выказать ему сочувствие».

Ну и стерва! Где она все это выискала? Не то что другие журналисты, которые редко знали о нем больше того, что печаталось в рекламных буклетах студии! Девчонка и в самом деле неплохо подготовилась. Буквально ядом брызжет!

Он пропустил две странички, бросив их на пол, и продолжал читать.

«Широко известно также, что по крайней мере однажды ему предложили руководство одной из самых престижных киностудий. Говорят, он ответил короткой уничижительной телеграммой:

Я успел вовремя сбежать с тонущего корабля. Крейг.

Его поведение можно бы объяснить тем обстоятельством, что он богат или был бы богат, если бы умело распорядился заработанными деньгами.

Режиссер, с которым он делал одну из картин, рассуждает немного по-другому. „Он просто противоречивый сукин сын“, – утверждает он. Актриса Моника Браунинг как-то сказала в одном из интервью: „Тут нет никакой тайны. Джесс Крейг – обыкновенный очаровательный псих, каких у нас немало, страдающий манией величия“».

Нет, необходимо что-нибудь выпить.

Крейг посмотрели на часы. Двадцать пять одиннадцатого. Всего десять двадцать пять.

Он, прихватив бутылку, отправился в ванную, налил в стакан немного виски и добавил воды из-под крана. Отхлебнул глоточек и отнес стакан в гостиную. И, не выпуская стакана из рук, вновь обратился к статье.

«Дважды Крейга приглашали стать членом жюри в Каннах. Дважды он отказывался. Когда стало известно, что в этом году он зарезервировал номер в отеле на весь период фестиваля, многих это весьма удивило. В течение пяти лет, после краха последней картины, он старался держаться подальше от Голливуда и лишь изредка наезжал в Нью-Йорк. И хотя свой офис так и не закрыл, за новые проекты не берется. Похоже, все эти годы он бесцельно скитался по Европе. Причины его продолжительного ничегонеделания не понятны. Отвращение? Разочарование? Утрата иллюзий? Усталость? Ощущение, что работа завершена и теперь остается лишь наслаждаться плодами трудов своих в тех местах, где гарантированно не встретишь ни друзей, ни врагов? Или нервный срыв? Может, этот гость Каннского фестиваля – попросту опустошенный человек, совершивший ностальгическое путешествие туда, где каждая улочка напоминает о славном прошлом? Или это крестовый поход профессионала, вновь собравшего свои войска и полного решимости победить?»

Интересно, знает ли сам Джесс Крейг, сидя в своем сто долларовом „люксе“ с видом на Средиземное море, ответы на эти вопросы...»

Фраза обрывалась на середине страницы. Крейг положил листочки на полку текстом вниз и снова приложился к спиртному. Иисусе, подумать только, ей всего двадцать два!

Крейг вышел на балкон. Солнце вышло из-за туч, но ветер так и не улегся. Ни одного купальщика. Толстуха исчезла. Отправилась к парикмахеру? Или ее унесло в открытое море?

Внизу, на террасе, появились первые посетители. Он заметил неряшливую прическу Гейл Маккиннон, мешковатую футболку, голубые джинсы. Читает газету. На столе бутылка кока-колы.

Какой-то мужчина подошел к ней и сел напротив. Гейл отложила газету. С такой высоты было невозможно услышать, о чем они говорят.

– Я видела его, – сказала она мужчине. – Он заглотит наживку. Клонет, старый ублюдок. Я его сцапала!

ГЛАВА 3

Он уселся. Зал быстро наполнялся народом, в основном молодежью – бородатыми парнями с перехваченными индейскими ремнями волосами в сопровождении босоногих девиц в кожаных куртках с бахромой и длинных цветастых юбках. Должно быть, в офисе Констанс они чувствовали бы себя как дома. Сегодня утром в программе был «Вудсток», американский документальный фильм о рок-фестивале, и истинные фанаты рок-музыки, одетые, как приличествует великому событию, слетелись со всего города. Интересно, как они будут одеваться, когда доживут до его лет? В их возрасте он был счастлив сменить мундир на деловой костюм.

Он надел очки и развернул «Нис-матэн». Сегодня Крейг проснулся поздно. Поскольку фильм длился три с половиной часа, а сеанс начинался в девять утра, и у него не хватило времени ни позавтракать, ни просмотреть газету.

В неярком теплом розоватом свечении он просмотрел первую страницу. Четверо студентов застрелены солдатами национальной гвардии в Кенте, штат Огайо. В зоне Суэцкого канала, как обычно, продолжается резня. Положение в Камбодже неопределенно. Ракета, запущенная с французского военного судна, сбилась с траектории, повернула в сторону суши и взорвалась около Ле-Лаванду, в нескольких милях от побережья, уничтожив попутно несколько вилл. Мэры соседних городов справедливо протестуют, с полным основанием доказывая, что подобные промахи военных наносят непоправимый урон туризму. Французский режиссер дает интервью, в котором объясняет, почему никогда и ни за что не представит свой фильм на фестиваль.

Кто-то произнес «pardon», и Крейг встал, так и не отрываясь от газеты. Послышался шорох длинной юбки; какая-то женщина проскользнула мимо и опустилась в соседнее кресло. В ноздри ударил легкий запах мыла, почему-то напомнивший о детстве.

– С новым утром. – Его приветствовала поп-девушка.

Он узнал огромные темные очки, закрывавшие почти пол-лица. На голове девушки красовался узорчатый шелковый шарф. Крейг пожалел, что не успел побриться.

– Ну разве не здорово, что мы все время сталкиваемся нос к носу? – заметила она.

– Здорово, – согласился он. Ее голос, как и костюм, сегодня казался другим. Более мягким, не столь напористо-вызывающим.

– Я была здесь и вчера вечером.

– Я вас не заметил.

– Так все говорят. – Девушка заглянула в программку. – Вас никогда не одолевал соблазн снять документальный фильм?

– Как всякого другого.

– Говорят, этот – сплошное безумие.

– Кто именно говорит?

– Ну... вообще. – Она уронила программку на пол. – Вы уже успели просмотреть тот материал, что я послала?

– У меня времени не хватило даже завтрак заказать, – пожаловался он.

– А мне нравится спешить в кино к девяти. В этом есть некое извращенное наслаждение. Да, большой конверт из оберточной бумаги. Дальнейшие экзерсисы на тему «Джесс Крейг как личность и деятель кинематографа». Улучите минуту, чтобы ознакомиться.

Она вдруг заплодировала. В проходе перед сценой появился высокий бородатый молодой человек и повелительно поднял руку, призывая к тишине.

– Это режиссер, – объяснила Гейл.

– Вы видели другие его работы?

– Нет. – Она еще энергичнее захлопала в ладоши. – Я большая поклонница режиссеров.

У режиссера на рукаве была траурная повязка. Свою речь он начал с того, что призвал остальных последовать его примеру – в знак скорби по студентам, убитым в Кенте, а в заключение объявил, что посвящает фильм их памяти.

Хотя Крейг не сомневался в искренности молодого человека, напыщенная речь и явно быющее на эффект знамение скорби в виде повязки вызвали у него ощущение некоей неловкости. Если бы все это происходило в другом месте, он, вероятно, был бы тронут. И уж конечно, смерть ни в чем не повинных молодых людей отозвалась в нем такой же болью, как и в любом из тех, кто пришел сюда. В конце концов у него двое своих детей, которые при определенных трагических обстоятельствах тоже могут погибнуть в таком же беспримерном побоище. Но сейчас, сидя в роскошном раззолоченном зале, где публика в самом праздничном настроении ожидала начала развлечения, он не мог избавиться от неприятной мысли, что от этого выступления так и разит саморекламой режиссера и стремлением предстать перед поклонниками в наилучшем виде.

– Ну как, наденете траур? – шепотом осведомилась девушка.

– Вряд ли.

– Я тоже, – кивнула она. – Не питаю ни малейшего почтения к смерти.

Она выпрямилась, словно приводя себя в состояние боевой готовности перед долгожданным зрелищем. Крейг попытался сделать вид, что не замечает ее присутствия.

Когда огни медленно погасли и начался фильм, Крейг сделал над собой усилие, стараясь отрешиться от всех предубеждений. Он отлично сознавал, что его нелюбовь к бородам и длинным волосам по меньшей мере неумна и вызвана лишь тем, что он рос и воспитывался в другое время и привык к иному стилю. Нынешняя манера одеваться в лучшем случае негигиенична. Моды приходят и уходят, и достаточно заглянуть в старые семейные альбомы, чтобы понять, насколько смешной кажется одежда, считавшаяся в свое время в высшей степени консервативной. Его отец, выходя по воскресеньям на пляж, надевал брюки-гольф. У Крейга еще хранится его фото в этих самых брюках.

Говорили, что «Вудсток» вроде бы выражает идеи и чаяния молодежи. Если это действительно так, он готов с ними ознакомиться.

Фильм действительно оказался интересным. С первых же кадров стало ясно, что человек, создавший его, обладает истинным талантом. Будучи профессионалом, Крейг ценил это качество в других, а на экране не было ни намека на дилетантство или пошлую пустенькую игривость. Снято и смонтировано на совесть, ничего не скажешь. Каждый кадр стал результатом кропотливого труда и серьезных размышлений. Но вид четырехсот тысяч человеческих существ, собранных в одном месте, независимо от того, кем они были и с какой целью собрались, был ему неприятен. Картина с невероятной точностью передавала маниакальную распущенность и поразительную неразборчивость и угнетала его все больше, по мере того как разворачивалось действие. Музыка и исполнение, за исключением двух песен, спетых Джоан Баэз, казались грубыми, примитивными и оглушительно-громкими, словно шепот или даже нормальный тембр голоса начисто выпали из вокального диапазона молодых американцев. Фильм казался Крейгу набором безумных звуков, предшествующих оргазму, но без кульминации самого оргазма. Когда на экране появились юноша и девушка, занимавшиеся любовью, не обращая внимания на камеру, Крейг отвел глаза.

И не веря собственным ушам, он наблюдал, как один из исполнителей, словно капитан группы поддержки на футбольном матче, выкрикивал:

– Скажите «эф»!

И четыреста тысяч глоток послушно отвечали:

– «Эф»!

– Скажите «ю»!

И четыреста тысяч голосов незамедлительно откликались:

– «Ю»!

– Скажите «си»!

И четыреста тысяч выкриков повисали над полем:

– «Си»!

– Скажите «кей»!

И четыреста тысяч человек тут же повторяли:

– «Кей»!

– И что получилось?! – жизнерадостно орал заводила голосом, стократно усиленным мегафоном.

– FUCK! – разнеслось по полю хрипло и раскатисто, словно на каком-то ритуальном фашистском сборище.

И тут же хор восторженных воплей. Публика в зале разразилась аплодисментами. Только сидевшая рядом с ним девушка осталась неподвижной. Руки спокойно лежали на коленях. Пожалуй, она не так уж плоха, как показалось ему сначала.

Он не встал и не ушел, но потерял к фильму всякий интерес. Кто может объяснить истинное значение грязного ругательства, произнесенного многоголосой аудиторией? Слово как слово, не хуже других, он сам иногда им пользуется. Само по себе оно не уродливо и не прекрасно, а в последнее время его так затерли, что от непрерывного употребления оно утратило первоначальный смысл или, наоборот, приобрело столько различных оттенков, что перестало ассоциироваться с чем-то неприличным. А в этом гигантском молодежном хоре оно звучало примитивной издевкой, лозунгом, стало оружием, стягом, под которым промаршируют батальоны смерти. Оставалось надеяться, что отцы тех четырех студентов, убитых в Кенте, никогда не увидят «Вудсток» и не узнают, что в произведении искусства, посвященном их погибшим детям, есть эпизод, в котором около полумиллиона их современников почтили память своих ровесников гнусной непристойностью.

До конца фильма оставалось немногим более часа, когда Крейг покинул зал. Девушка, казалось, не заметила его ухода.

Солнце сияло над голубым морем, национальные флаги стран-участниц фестиваля весело развевались на мачтах перед кинотеатром. Несмотря на то что на набережной было довольно многолюдно, а по мостовой мчался непрерывный поток машин, здесь царил благоденственное спокойствие. Наконец-то и Канны стали напоминать полотна Дюфи.

Крейг спустился на пляж и побрел по кромке воды, одинокий, замкнутый человек.

Он решил пойти в отель, побриться. В почтовом ящике лежали большой конверт из оберточной бумаги с его именем, наискосок нацарапанным четким женским почерком, и письмо со штемпелем Сан-Франциско, от дочери Энн.

Крейг бросил конверты на столик в гостиной, отправился в ванную и старательно выскреб щеки. Лосьон приятно пощипывал горевшую кожу. Он вернулся в гостиную и взялся за послание Гейл Маккиннон. На стопке желтых листков с машинописным текстом лежала написанная от руки записка.

«Дорогой мистер Крейг! Я пишу это поздно ночью в гостиничном номере, гадая, что такого во мне вам не понравилось. Всю свою жизнь я умела ладить с людьми, но весь день и вечер, стоило мне взглянуть в вашу сторону, где бы то ни было: на пляже, за обедом, в фойе фестивального зала, в баре, на вечеринке, – вы смотрели на меня с таким видом, словно перед вами ураган по имени Гейл, готовый смести этот город с лица земли. Вам, разумеется, не привыкать давать интервью, причем, готова побиться об заклад, людям куда глупее меня, среди которых было немало ваших недоброжелателей. Почему же именно я так вам неприятна?

Что ж, если не хотите сами побеседовать со мной, найдется немало таких, кто не станет молчать, так что я не трачу времени даром. Если я не могу написать портрет с натуры, создам его, полагаясь на бесчисленные взгляды и мнения посторонних людей. И если получится так, что результат вам не слишком понравится, – ничего не поделаешь, сами виноваты».

Ага, обычный прием не слишком удачливых репортеров. Этакий элегантный шантаж. Если не выложишь все как на духу, я натравлю на тебя твоих врагов, готовых вылить ушаты грязи. Вероятно, это первое, чему учат на факультетах журналистики.

«Но может быть и так, – читал он, – что я подойду к этой проблеме совершенно иначе. Как делают ученые-биологи, наблюдающие диких животных в их естественной среде, – изда- лека, сидя в укрытии с биноклями. Животное метит свою территорию, не любит посторонних, опасается людей, употребляет крепкие напитки, обладает не слишком сильным инстинктом выживания, часто спаривается, причем с наиболее привлекательными самками из стада».

Крейг невольно хмыкнул. Достойный у него противник, ничего не скажешь. Записка заканчивалась словами:

«Поэтому я, подобно им, тоже лежу в засаде. И не отчаиваюсь. Прилагаю очередную окоlesiцу на ту же тему, аккуратно напечатанную. Уже четыре утра, и я отважно пронесу свое произведение по темным улицам Гоморры-у-Моря и позолочу ручку портье, с тем чтобы первым, что вы узрете, проснувшись утром, стало имя Гейл Маккиннон».

Он отложил записку и, не позаботившись проглядеть продолжение статьи, взялся за письмо дочери. Каждый раз, получая послание от одной из своих дочурок, он вспоминал невы- носимо циничное признание дочери Скотта Фицджеральда, которая где-то писала, что, еще учась в колледже, вскрывала письма от отца, только чтобы поглядеть, есть ли в них чек, а потом непрочитанными швыряла в ящик стола. Крейг развернул письмо. Самое меньшее, что может сделать отец для своего ребенка.

«Дорогой папочка, – читал он слова, написанные неразборчивым почерком не слишком прилежной ученицы, – Сан-Франциско это сплошная тощища. Колледж наш скоро распустят, а обстановка такая, словно вот-вот начнется война. Повсюду одни гунны. По обе стороны. В весеннем воздухе словно разлит слезоточивый газ, и каждый тупо уверен в собственной правоте. Насколько мне известно, мои чернокожие друзья жаждут, чтобы я изучала не столько романтическую поэзию, сколько ритуальные танцы африканских племен и обряд обрезания молодых девушек, поскольку романтическая поэзия устарела и изжила себя. Преподаватели отнюдь не лучше всей здешней публики. Образование – только для тупоголовых мещан и жал- ких обывателей.

Я больше не даю себе труда появляться в кампусе. Если случайно оказываешься там, не менее двадцати кретинов требуют от тебя принести твое непорочное тело в жертву на алтарь Джаггернаута⁹. И что бы ты ни сделал, как бы ни поступил, все равно обзаведешься клеймом предателя. И если не считаешь Джерри Рубина¹⁰ истинным и ярчайшим представителем нового американского поколения и образцом настоящего мужчины, значит, твой отец – президент банка, или тайный агент ЦРУ, или, упаси Господи, Ричард Никсон. Наверное, придется мне из духа противоречия вступить в „Черные пантеры“ или общество Джона Берча и показать всем что почем. Перефразируя известного писателя: ни студент, ни полисмен.

Знаю, знаю, это я настояла на колледже в Сан-Франциско, потому что после стольких лет, проведенных в швейцарских школах, один психованный суперпатриот убедил меня, что я теряю родные корни и что именно в Сан-Франциско жизнь бьет ключом. Кроме того, этим летом я собиралась поработать официанткой на озере Тахо, чтобы собственными глазами посмотреть, как существует другая половина человечества. Но теперь мне уже до лампочки,

---

⁹ Одно из имен бога Вишну, требующего жертвы во имя избавления от греха.

¹⁰ Один из основоположников философии хиппи; культовая фигура молодежных движений 60–70-х годов.

как там обстоят дела. Понимаю, это, вероятно, была временная прихоть. Ужасно неловко признаваться в полной несостоятельности и недолговечности своих идей, большинство из которых не протянут и до обеда. Но проживи я еще сто лет, все равно останусь типичной американкой, помоги мне Боже! И мечтаю только об одном (если, конечно, это не слишком тебя обременит): сесть в самолет и отправиться в Европу, чтобы провести лето. Пусть эти, которые в колледже, сами выясняют отношения до начала осеннего семестра.

Если я попаду в Европу, хотелось бы по мере возможности держаться подальше от матери. Тебе, наверное, известно, что она сейчас в Женеве. Пишет мне мрачные письма о том, как ты невыносим и с каким изощренным коварством пытаешься уничтожить ее, что ты развратник, что страдаешь от раннего климакса, и все в таком роде. А с тех пор как она обнаружила, что я принимаю пилюли¹¹, обращается со мной как с Фанни Хилл¹² или с персонажем одного из романов маркиза де Сада, и если я приеду к ней, то умру от тоски на берегах Женевского озера.

Твоя любимая дочурка Марша время от времени пишет из своей Аризоны. По ее словам, она счастлива, если не считать стенаний по поводу излишнего веса. Очевидно, никакие новые веяния не доходят до аризонского университета, и жизнь там течет, как в старых добрых мюзиклах про студентов, с ребяческими кражами трусиков из спален и битвами подушками, которые так часто дают в программах „для тех, кто не спит“. Марша утверждает, будто толстеет потому, что все время жует. Что-то вроде нервного стресса по причине того, что наш теплый семейный очаг навеки потушен. Фрейд, чистый Фрейд, даже в кафе-мороженом.

Письмо так и пересыпано шуточками, но на самом деле, папа, мне не так уж весело.

Целую, Энни».

Крейг тяжело вздохнул и отложил письмо. Стоило бы отправиться в какую-нибудь глушь, без почты и телефонов, и при этом не оставить адреса. Интересно, как бы сейчас подействовали на него письма, которые он писал родителям с фронта? Он сжег их все до одного, когда после смерти матери нашел в сундуке аккуратно перевязанную стопку.

Он поднял желтые странички Гейл Маккиннон. Лучше прочесть все одним махом, прежде чем остаться лицом к лицу с бесконечным пустым днем.

Он отнес листочки на балкон и уселся на солнышке. Даже если вылазка в Канны окажется бесплодной, хоть загаром обзаведется.

«Пункт следующий, – прочел он. – Человек он не слишком приветливый, держится сухо, блюдет дистанцию. Немного старомодный смокинг, в котором он присутствовал на приеме в бальном зале Зимнего казино после вечернего просмотра, придавал ему отчужденный, строго официальный вид. В несколько разнузданной атмосфере зала, где преувеличенное дружелюбие и показное добродушие стали правилами игры, где чуть знакомые мужчины обнимаются, а женщины целуются едва ли не с первым встречным, его учтивость производит поистине леденящее впечатление. Он никого не удостоил более чем пятиминутным разговором и постоянно перемещался по залу – не потому, что не находил себе места, а потому, что в мыслях был где-то далеко. На приеме присутствовало немало красивых женщин, и среди них по меньшей мере две, с кем его имя когда-то связывали. Эти дамы, великолепно причесанные и роскошно одетые, на взгляд автора, очень хотели бы удержать его рядом с собой, но после ритуальной пятиминутной беседы он неизменно удалялся».

«Связывали. С кем его имя когда-то связывали?» – рассердился он. Кто-то снабжает ее сведениями. Кто-то хорошо его знающий. Из числа недругов. Крейг видел Гейл Маккиннон на приеме и даже кивнул ей. Но не заметил, что она следила за ним.

¹¹ Имеется в виду противозачаточное средство.

¹² Героиня одноименного эротического романа.

«Отнюдь не материальное положение семьи помешало Крейгу получить образование. Родители его были людьми довольно обеспеченными. Отец Крейга, Филип, до самой кончины, случившейся в 1946 году, был казначеем нескольких бродвейских театров, и хотя, как и многие, пострадал во время Депрессии, несомненно, мог позволить себе обучать единственного ребенка в колледже. Но Крейг вместо этого предпочел пойти в армию вскоре после нападения на Перл-Харбор. И хотя он пробыл там почти пять лет и дослужился до чина техника-сержанта, не удостоился никаких наград, кроме театральных и нашивок ветерана войны».

После этого абзаца стояла звездочка, обозначающая сноску. Он опустил глаза в конец страницы.

«Дорогой мистер К., все это отчаянная тоска, но пока вы не разоткровенничаетесь, мне остается лишь строго придерживаться фактов. Когда настанет время свести все воедино, я беспощадно отредактирую материал, чтобы читатель не умер от скуки».

Крейг вернулся к абзацу перед сноской.

«Ему сказочно повезло вернуться с войны не только невредимым, но и привезти в вещевом мешке рукопись пьесы молодого рядового Эдварда Бреннера, которую через год после своей демобилизации он поставил под названием „Пехотинец“. Старые связи отца в мире театра, несомненно, помогли обеспечить молодому начинающему режиссеру блестящий дебют.

Позднее Бреннер поставил на Бродвее еще две пьесы, с треском провалившиеся. Продюсером одной был Крейг. С тех пор Бреннер пропал из виду».

«По-вашему, юная леди, может, и так, – подумал Крейг, – но из моего поля зрения он не исчезал ни на миг. Стоит ему прочесть эту статью, как бывший рядовой мгновенно объявится».

«Говорят, как-то в разговоре, когда его спросили, почему он редко сотрудничает с авторами повторно, Крейг ответил: „В литературной среде обычно считают, будто каждый человек носит в себе по крайней мере один роман. Я обнаружил, что это не совсем так. Очень немногие женщины и мужчины носят в себе целый роман, остальные же ограничиваются дай Бог одной фразой или в лучшем случае рассказом“».

Где, черт побери, она все это выкопала?

Крейг раздраженно поморщился. Кажется, он и в самом деле однажды отпустил эту довольно обидную шутку, чтобы отобрить очередного зануду, но, хоть убей, не мог вспомнить, где и когда это было. И нужно признаться, в каждой шутке есть доля истины. Но пусть в глубине души он сам отчасти верил тому, что сказал, появившись его слова в печати, вряд ли они укрепили бы его репутацию благожелательного человека.

Она дразнит его! Эта маленькая сучка подстрекает его, разжигает любопытство, пытается вызвать его на откровенность, заставить поторговаться или попросту подкупить, чтобы не будила спящую собаку и не толкала его на поле, усеянное противопехотными минами.

«Было бы интересно, – продолжала Гейл, – уговорить Крейга составить список людей, с которыми он работал, и разбить его по категориям в соответствии с вышеупомянутыми критериями. Стоит романа. Стоит рассказа. Стоит предложения. Стоит фразы. Стоит запятой. Если мне когда-нибудь удастся снова с ним потолковать, попытаюсь вытянуть из него такой список».

Она жаждет крови. Его крови.

Страница была дописана от руки.

«Дорогой мистер К. Уже поздно, и я клюю носом. Информации у меня на несколько томов, но не сегодня. Если хотите каким-то образом прокомментировать прочитанное, я полностью к вашим услугам. Продолжение следует. Ваша Г. М.».

Первым его порывом было смять листочки и сбросить с балкона. Но благоразумие перевесило. К тому же девушка сказала, что оставила себе копию. И впредь будет оставлять, что бы еще ни прислала.

В заливе на якоре лениво покачивался пассажирский лайнер, и на мгновение ему захотелось собрать вещи, взойти на борт и отправиться куда глаза глядят. Куда бы ни держал курс

корабль. Но какой смысл? Она, вероятнее всего, окажется в первом же порту с машинкой в руках.

Крейг вышел в гостиную, мимоходом швырнул статью на стол и взглянул на часы. На обед к Мерфи еще слишком рано. Тут он вспомнил, что вчера обещал Констанс позвонить. Она требовала подробного отчета.

Он приехал в Канны отчасти из-за нее.

– Отправляйся туда, – требовала она. – Проверь, можешь ли снова впрячься в работу. Ни к чему тянуть.

Она была не из тех женщин, кто любит проволоочки.

Крейг отправился в спальню и заказал разговор с Парижем. Потом лег на незастеленную кровать и попытался вздремнуть.

Крейг закрыл глаза, но сон не шел: слишком много выпил вчера вечером и всю ночь ворочался. В висках отдавался грохот подключенных к мощным усилителям электрогитар из только что просмотренного фильма, перед глазами возникали картины сладострастно сплетенных тел. Если Констанс ответит, он непременно скажет, что сегодня же вылетает в Париж.

Крейг встретил Констанс на благотворительном балу по сбору средств в фонд Бобби Кеннеди, когда в шестьдесят восьмом приехал в Париж. Сам он собирался голосовать в Нью-Йорке, но старый парижский приятель взял его с собой на бал. Публика собралась сплошь интересная и осаждала умными вопросами двух красноречивых представительных джентльменов, прибывших из Штатов просить денег и моральной поддержки для далекого соотечественника у оказавшихся за границей американцев, которые зачастую были лишены права голоса.

Крейг не разделял восторженных чувств присутствующих, но все же выписал чек на пятьсот долларов, немного подсмеиваясь над собой и над тем, что вынужден помогать деньгами кому-то из семейства Кеннеди. В большом роскошном салоне, стены которого были увешаны темными полотнами авангардистов, которые, как он подозревал, вскоре будут проданы по дешевке, разгоралась оживленная дискуссия. Крейг проскользнул оттуда в пустую столовую, поближе к бару, и как раз наливал себе выпить, когда вошла Констанс. Еще в салоне, краем уха слушая речи, он время от времени чувствовал на себе пристальные взгляды этой неотразимой женщины, с удивительно бледным лицом, зеленоватыми глазами и смоляными волосами, коротко, не по моде остриженными. Однако ей эта прическа очень шла. На женщине было короткое желтовато-зеленое платье, не скрывавшее на редкость красивых ног.

– Я тоже хочу выпить. Дадите? Я Констанс Добсон. И знаю, кто вы, – объявила она отрывисто, хрипловатым низким голосом. – Джин и тоник. Побольше льда.

Крейг молча выполнил просьбу.

– Что вы здесь делаете? – осведомилась она, прихлебывая джин. – Вы, скорее, походите на республиканца.

– Я всегда стараюсь выглядеть республиканцем, когда попадаю за границу, – пояснил он. – Это благотворно действует на туземцев.

Констанс рассмеялась резким, оглушительным, почти вульгарным для такой стройной элегантной женщины смехом, рассеянно играя длинной золотой цепочкой, свисавшей почти до пояса. Крейг заметил, что грудь у нее высокая и упругая. Совсем как у девушки. Интересно, сколько ей лет?

– Похоже, вы не помешаны на кандидате, как все остальные, – заметила она.

– Я вижу в нем некоторую жестокость. Я не слишком ярый приверженец лидеров, обладающих подобными чертами характера.

– Но все же выписали чек.

– Политика – как говорится, искусство неограниченных возможностей. Вы тоже выписали чек.

– Чистейшая бравада. Едва свожу концы с концами. Все потому, что молодежь за него. Может, им известно то, что нам не понять.

– Что ж, резонно, – согласился Крейг.

– Вы живете не в Париже.

– В Нью-Йорке, – уточнил Крейг, – то есть если вообще где-то живу. Здесь я проездом.

– Надолго? – спросила она, задумчиво глядя на него поверх бокала.

– Сам не знаю, – пожал плечами Крейг.

– А я специально последовала за вами.

– Правда?

– Вам ведь и самому все ясно.

– Н-ну да, – выдавил Крейг, с удивлением ощущая, как горят щеки.

– У вас хмурое, но волевое лицо. Словно под пеплом тлеет огонь. – Она усмехнулась. Волнующий, неуместно низкий звук. – И чудесные широкие прямые плечи. Мне знакомы здесь всякий и каждый. Интересно, приходилось ли вам когда-нибудь входить в комнату, осмотреться и сказать себе: «Господи, да я здесь каждую собаку знаю!» Понимаете, о чем я?

– Кажется, да, – кивнул он. Теперь она стояла совсем близко. Кажется, она буквально искупалась в духах, но запах был свежим и терпким.

– Ну что, собираетесь поцеловать меня? – внезапно спросила она. – Или еще потерпите?

Крейг поцеловал ее. Он не целовал женщин вот уже больше двух лет, и ему понравилось.

– У Сэма есть мой телефон, – шепнула она. Сэм и был тем приятелем, который притащил его сюда. – Позвонишь в следующий раз, когда будешь в Париже. Если захочешь, конечно. Сейчас я не свободна. Пытаюсь отделаться от назойливого любовника. Ну, мне пора. Дома больной ребенок.

Желто-зеленое платье мелькнуло в фойе, где висели пальто.

Оставшись один, Крейг налил себе еще виски, вспоминая прикосновение ее губ и терпкий аромат духов.

По пути домой он разузнал у Сэма номер ее телефона, задал ему несколько осторожных вопросов, но не обмолвился и словом о сцене в столовой.

– Пожирательница мужчин, – заверил Сэм. – Но при этом довольно доброжелательна. Лучшая из американских девчонок в Париже. Занята какой-то нелепой работой с детьми или чем-то в этом роде. Кстати, ты когда-нибудь видел такие ноги?

Сэм был адвокатом, солидным, не склонным к гиперболизации человеком.

В следующий свой приезд, уже после выборов и убийства Бобби Кеннеди, он набрал полученный от Сэма номер.

– Я помню вас, – обрадовалась она. – И уже турнула того парня.

Он пригласил ее на ужин. В этот вечер и все последующие до самого отъезда. Она оказалась родом из Техаса. Первая красавица, высокая, стройная, своевольная девушка с надменно поднятой маленькой темной головкой, она покорила сначала Нью-Йорк, потом Париж. «Дорогие мужчины, – словно говорила она одним своим видом, появляясь в комнате, – что вы здесь делаете? И стоите ли потраченного на вас времени?»

Только с ней он наконец увидел настоящий Париж. Этот город принадлежал ей, и она проходила по его улицам гордо, радостно, создавая атмосферу праздника. Вспыльчивая, взрывная, она умела показать зубки. Во всем, что касается работы, Констанс была педанткой, ненавидевшей бездельников и паразитов. Яростно-независимая, она приехала в Париж как модель, во время, как она говорила, второй половины правления Карла Великого. Несмотря на почти полное отсутствие образования, она была поразительно начитанной. Никто из знакомых не знал точно, сколько ей лет. Дважды Констанс была замужем. «Мимоходом», – шутила она. Оба мужа и многочисленные любовники обирали ее до нитки, но Констанс не испытывала к ним

злости. Устав от подиума, она вместе с партнером, бывшим университетским преподавателем из штата Мэн, организовала туристическое бюро по обмену студентами.

– Молодые люди должны лучше знать друг друга, – утверждала она, – только в этом случае их нельзя будет заставить взять в руки оружие и убивать.

Ее любимый старший брат был убит под Ахеном, и она была ярой пацифисткой. Когда новости из Вьетнама были особенно мрачными, она раздражалась солдатской бранью и грозила переехать вместе с сыном куда-нибудь на южное побережье Тихого океана.

Несмотря на то что Констанс действительно считала каждый франк, одевалась она экстравагантно. Парижские кутюрье ссужали ей платья, зная, что, где бы Констанс ни появилась, и она, и их творения будут оценены по достоинству.

И где бы она ни проводила ночь, ровно в семь поднималась и уходила, чтобы покормить детей завтраком и отправить в школу. Какой бы бурной ни была ночь, ровно в девять Констанс уже сидела за столом. И хотя Крейг оставил за собой номер в отеле, его истинным домом стала спальня Констанс, выходящая в сад на левом берегу Сены. Ее детям он нравился.

– Они привыкли к мужчинам, – объясняла Констанс. Она давно переросла усвоенные в Техасе моральные принципы и игнорировала правила приличия и условности, принятые в тех парижских кругах, где блистала и вращалась.

Она была искренней, чистосердечной, забавной, требовательной, непредсказуемой, восхитительно созданной для любви, ласковой, порывистой, предприимчивой – и серьезной лишь в тех случаях, если этого требовали обстоятельства. До сих пор он жил как во сне. Но теперь проснулся.

Когда-то Крейг приобрел неприятную привычку не замечать и не ценить в женщине женственность, но теперь мгновенно откликался на красоту, чувственную улыбку, легкую походку. Его глаза вновь приучились по-юношески сладострастно следить за развевавшейся юбкой, изгибом шеи, изящным движением. Верный лишь единственной женщине, теперь он вновь обрел способность восхищаться всем прекрасным полом: один из бесчисленных даров, полученных от Констанс.

Она откровенно рассказывала ему о его предшественниках, и Крейг, зная, что после него будет кто-то другой, сумел подавить ревность. Лишь встретив Констанс, он понял, что страдал от глубоких душевных ран. Теперь эти раны потихоньку затягивались.

В тишине комнаты, нарушаемой лишь тихим шумом прибоя, он нетерпеливо ждал звонка, чтобы поскорее услышать неповторимый хрипловатый отрывистый голос. На языке так и вертелись слова: «Я лечу в Париж первым же рейсом». Даже если сегодня у нее и назначено свидание, она все отменит ради него.

Наконец телефон зазвонил.

– А, это ты... – неприветливо бросила она.

– Дорогая... – начал Крейг.

– Я тебе не «дорогая», продюсер! И не старлетка, которая по две недели елозит своим сучьим задом по дивану!

В трубке раздавался слитный гул голосов: должно быть, в ее офисе, как обычно, яблоку негде упасть, но Констанс никогда не стеснялась устраивать сцены при посторонних.

– Послушай, Конни...

– «Послушай, Конни», мать твою... – передразнила она. – Ты обещал позвонить вчера. Только не уверяй, будто не смог дозвониться. Я все это уже слышала.

– Я и не пытался.

– У тебя даже ума не хватает соврать, сукин ты сын!

– Конни, – умоляюще пробормотал Крейг.

– Единственный порядочный человек в Каннах. А все мое чертово везение. Почему ты не пытался?

– Я был...

– Засунь эти объяснения куда подальше. И телефонные звонки тоже. Я не обязана торчать в офисе и ждать, когда проклятый телефон соизволит позвонить. Надеюсь, ты найдешь подходящую сиделку в Каннах, потому что, клянусь Господом, в Париже твои акции больше не котируются!

– Конни, ради Бога, опомнись!

– Уже опомнилась. И с этой минуты я буду совершенно благоразумной. Считаю, что этот телефон отныне выключен. И не пытайся набирать номер. Никогда!

В шестистах милях от него раздался громкий треск: очевидно, она в гневе швырнула трубку на рычаг. Крейг удрученно покачал головой и осторожно положил трубку, улыбаясь при мысли о том, как ошеломленно смолкла галдевшая до того молодежь и каким оглушительным хохотом разразился ее партнер-профессор, выведенный этой тирадой из состояния хронического сомнамбулизма. Она не в первый раз устраивала Крейгу подобные скандалы. И не в последний. Отныне он будет звонить в назначенный срок, даже если для этого придется весь день висеть на телефоне.

Крейг спустился на террасу, позволил сфотографировать себя с львенком, написал на снимке: «Я нашел тебе достойную пару», – вложил в конверт и отправил Констанс экспресс-почтой.

Пора отправляться на обед к Мерфи. Выйдя к подъезду, он спросил швейцара, где его машина. Тот был занят каким-то облезлым лысеющим стариком в «бентли» и проигнорировал Крейга. Автостоянка перед отелем была забита машинами, причем лучшие места приберегались для «феррари», «мазерати», и «роллс-ройсов». Скромная «симка», взятая им напрокат, обычно заталкивалась в самый укромный уголок, чтобы не позорить репутацию отеля, и время от времени, когда наплыв дорогих колываг бывал особенно велик, Крейг обнаруживал свою машину в квартале от отеля, в каком-нибудь переулке. В его жизни случались периоды, когда он раскатывал на «альфах» и «лансиях», но все это давно в прошлом, и теперь ему вполне хватало и того, что мотор работает, а колеса крутятся. Однако сегодня, когда швейцар наконец соизволил сообщить, что машина припаркована где-то позади отеля, и ему пришлось долго брести вдоль теннисных кортов туда, где обычно ошивались шлюхи, Крейг ощутил нечто вроде смутного унижения. Похоже, служащие отеля успели узнать о его неудачах и, всячески издеваясь над его скромной машиной, дают таким образом понять, что он недостоин жить во дворце, стены которого они охраняют.

«Ну ничего, посмотрим на их лица, когда придет время давать чаевые», – мрачно подумал Крейг и, повернув ключ в зажигании, поехал к мысу Антиб на свидание с Брайаном Мерфи.

ГЛАВА 4

Портье сообщил Крейгу, что мистер и миссис Мерфи ожидают его в своем пляжном бунгало.

Крейг прошел к морю через парк, напоенный сосновым ароматом. Кругом стояла тишина. Единственными звуками были стук его каблуков по камням тенистой дорожки и неумолчный треск цикад.

Немного не дойдя до бунгало, он остановился. Мерфи были не одни. В маленьком патио сидела молодая женщина в весьма откровенном розовом купальнике. Длинные, блестящие на солнце волосы падали на плечи. Стоило ей слегка повернуться, как Крейг сразу узнал знакомые темные очки.

Мерфи, в пестрых плавках, о чем-то толковал с ней. Соня Мерфи растянулась в шезлонге.

Крейгу смертельно захотелось вернуться в отель и, позвонив оттуда, попросить Мерфи приехать к нему, потому что тут собралось неподходящее общество, но в этот момент Мерфи его заметил.

– Эй, Джесс! – окликнул он, вставая. – Мы здесь!

Гейл Маккиннон не повернулась, хотя и встала при его приближении.

– Привет, Мерф, – кивнул Крейг, пожимая ему руку.

– Старина!..

Крейг наклонился и поцеловал Соню в щеку. В свои пятьдесят она едва выглядела на тридцать пять: подтянутая фигура и мягкое, почти без морщин, совершенно неголливудское лицо. Очевидно, боясь обгореть, она прикрылась купальным полотенцем и надела широкополую соломенную шляпу.

– Сколько лет, сколько зим, Джесс, – сказала она.

– И не говори.

– Эта юная леди, – вмешался Мерфи, – утверждает, что знакома с тобой.

– Мы встречались, – коротко бросил Крейг. – Здравствуйте, мисс Маккиннон.

– Здравствуйте.

Девушка стащила очки театрально-подчеркнутым жестом, каким обычно снимают маски на карнавале. Глаза оказались широко поставленными, ярко-голубыми, сверкающими, как драгоценные камни, но уклончивый, неуверенный взгляд словно говорил о том, что ей не впервые испытывать боль. Серьезное открытое лицо, еще не оформившаяся фигура, атласная кожа... на вид ей можно было дать не больше шестнадцати-семнадцати лет. У Крейга появилось странное ощущение, будто солнечные лучи сфокусировались только на ней, заливая сияющим водопадом, а сам он смотрит на нее издалека, окутанный темными тучами, предвещающими дождь. В это мгновение она казалась идеальным созданием природы, на фоне сверкавших голубых волн, певших гимны ее юности, безупречной коже, почти угловатому совершенству.

Его охватило тревожащее чувство, что все это уже было: та же сцена, девушка, застывшая в ожидании на ярком солнце, а позади безбрежная морская гладь.

Гейл наклонилась не слишком грациозно, длинные волосы взметнулись, и Крейг увидел у ее ног магнитофон. Он невольно отметил мягкую округлость живота над розовой тканью бикини, широкие бедра с по-детски выделяющимися косточками. Странно, почему вчерашним утром она всячески старалась себя изуродовать этой нелепой спортивной футболкой, черными очками-забралом.

– Она берет у меня интервью, – пояснил Мерфи. – Хотя я всячески отбивался.

– Верю, – кивнул Крейг.

Мерфи славился тем, что раздавал направо и налево интервью на любые темы. Этот рослый, тяжеловесный, несколько неуклюжий шестидесятилетний мужчина с копной черных кра-

шенных волос и заплывшим от виски лицом обладал проницательными острыми глазками и типично ирландским, грубоватым обаянием. И при этом имел репутацию человека, которому палец в рот не клади. Он был одним из самых упрямых и несговорчивых агентов, что способствовало обогащению не только клиентов, но и его самого. Они не подписывали контракта, все ограничилось устным договором, хотя он и представлял интересы Крейга более двадцати лет. Но с тех пор как Крейг покончил с кино, встречались они нечасто. Да, они были друзьями. «Только вот, – с неожиданной злобой подумал Крейг, – прежней близости, как раньше, когда я был на коне, уже нет».

– Как твои девочки, Джесс?

– Судя по последним письмам, неплохо, – отозвался Крейг. – Насколько могут быть в порядке девицы их лет. Марша, я слышал, потолстела.

– Если они не под следствием за хранение и продажу наркотиков, – хмыкнул Мерфи, – считай себя счастливым родителем.

– Я считаю себя счастливым родителем, – подтвердил Крейг.

– А выглядишь бледновато, – покачал головой Мерфи. – Надень плавки и поджарься немного на солнышке.

Крейг покосился на стройное загорелое тело Гейл Маккиннон.

– Благодарю, не стоит. Мой купальный сезон еще не начался. Соня, почему бы нам не прогуляться и не дать им спокойно закончить интервью?

– Мы закончили, – вмешалась Гейл. – Он говорил целых полчаса.

– И надеюсь, сообщил ей что-нибудь полезное? – осведомился Крейг?

– Хочешь узнать, не злоупотреблял ли непристойностями? Ни в коем случае! – замахал руками Мерфи.

– Мистер Мерфи был крайне словоохотлив и рассказал много интересного, – вступилась за него Гейл. – Заявил, что кинематографу приходит конец. Не осталось ни денег, ни талантов, ни мужества.

– Это заявление здорово поспособствует ему при заключении очередной сделки, – вздохнул Крейг.

– Да хрен с ними, – беспечно бросил Мерфи. – Я свою долю уже имею. Можно позволить себе роскошь сказать правду, пока я в настроении. Заметь, сейчас запускается в производство фильм, который финансируют индейцы апачи. Каким дерьмом нужно заниматься, чтобы получить добро на сценарий от индейцев апачи? Кстати, мы заказали омаров. Не возражаешь?

– Нет.

– А вы? – обратился он к девушке.

– Я люблю омаров.

Ах вот как? Значит, она останется на обед?

Крейг сел на складной стул лицом к девушке.

– Она, – объявил Мерфи, ткнув толстым коротким пальцем в девушку, – все расспрашивала о тебе. И знаешь, что я ответил? Сказал, что самое плохое в этом бизнесе то, что он выталкивает, можно сказать, вышибает из обоймы таких людей, как ты.

– Не знал, что меня вышибли из обоймы.

– Он расхваливал вас до небес, – вставила Гейл. – Вы наверняка бы залились краской от удовольствия.

– Наверняка, – согласился Крейг.

Девушка потянулась к магнитофону:

– Может, включить?

– Пока не стоит, – отказался он, заметив на ее губах легкую усмешку. Она снова надела очки, словно отгородившись от него и остального мира. Они опять стояли по разные стороны баррикады.

– Гейл клянется, что у тебя каменное сердце, – объявил Мерфи, которому ничего не стоило начать запросто называть любую девушку по имени после нескольких минут знакомства. – Почему ты не сжалишься над ней?

– Когда мне будет что сказать, она первая это услышит, – пообещал Крейг.

– Ловлю вас на слове, мистер Крейг, – обрадовалась Гейл.

– Из всего, что тут наболтал мой муж за последние полчаса, – вмешалась Соня, – мне стало ясно: всего мудрее держать язык за зубами, Джесс. Будь моя воля, заткнула бы ему рот.

– Ох уж эти жены, – проворчал Мерфи, впрочем, весьма добродушно. Они прожили вместе двенадцать лет, и если когда-нибудь и ссорились, то без свидетелей.

«Вот в чем преимущество поздних браков», – подумал Крейг.

– Люди слишком любопытны, – продолжала Соня. – Задают чересчур много вопросов. – Тон у нее был спокойный, матерински-мягкий. – И почему-то им всегда отвечают. Спроси меня эта милая молодая леди, где я купила губную помаду, ни за что не сказала бы.

– Где вы купили губную помаду, миссис Мерфи? – немедленно осведомилась Гейл Маккиннон.

Все рассмеялись.

– Джесс, – предложил Мерфи, – пойдем-ка в бар и оставим дам обмениваться колкостями в предобеденном словесном поединке.

Он встал, и Крейг последовал его примеру.

– Я бы тоже не прочь выпить, – заявила Соня.

– Велю официанту принести, – заверил Мерфи. – А как насчет тебя, Гейл? Что пожелаешь?

– Я не пью днем, – отказалась она.

– В мое время журналисты были не такие, – шутливо посетовал Мерфи. – И в купальниках выглядели иначе.

– Кончай флиртовать, Мерфи, – предупредила Соня.

– Чудовище с зелеными глазами, – вздохнул Мерфи, целуя жену в лоб. – Пойдем, Джесс, выпьем по маленькой.

– Не больше двух, – напомнила Соня. – Не забывай, ты в тропиках.

– Когда речь идет о выпивке, – пожаловался Мерфи, – моя жена уверена, что тропики начинаются уже от Лабрадора.

Он подхватил Крейга под руку, и оба направились к бару по вымощенной плитками дорожке. Перед одним бунгало на матрасе загорала толстая женщина, широко раздвинув ноги.

– Ах, друг мой, – пробормотал Мерфи, беззастенчиво на нее уставясь, – здесь опасно прогуливаться.

– Я и сам это подозревал, – поддакнул Крейг.

– Эта девица нацелилась на тебя, – предупредил Мерфи. – О, чего бы я не дал за твои сорок восемь лет! Стать бы снова молодым!

– Она нацелилась вовсе не в том смысле.

– А ты пробовал?

– Нет.

– Послушайся совета дряхлого старикашки и попробуй.

– Каким образом, черт возьми, она до тебя добралась? – перебил Крейг, не выносивший слишком вольных разговоров Мерфи о женщинах.

– Позвонила сегодня утром, и я сказал, что она может прийти. В отличие от некоторых моих приятелей я чрезмерной скромностью не страдаю. А когда увидел ее, сразу спросил, не захватила ли она случайно купальника.

– И оказалось, что случайно захватила.

– Да, по какому-то странному совпадению, – засмеялся Мерфи. – Как рояль в кустах. Я налево не хожу, и Соня знает это, но люблю общество хорошеньких девушек. Невинные стариковские радости.

Они подошли к маленькому домику, где размещалось бюро обслуживания номеров, и официант в униформе, заметив их, встал.

– Bonjour, messieurs.¹³

– Une gin fizz la donna cabana numero quarantedue, per favore¹⁴, – велел Мерфи официанту.

Во время войны Мерфи был в Италии и там кое-как выучил итальянский, единственный язык, кроме английского, которым владел. Поэтому стоило ему очутиться за границей, как он немедленно обрушивал его на местных жителей, независимо от того, в какой стране находился. Крейг восхищался напористой уверенностью, с которой Мерфи навязывал собственные привычки окружающим, где бы ни оказывался.

– Sì, sì, signore¹⁵, – кивнул официант, улыбаясь то ли чудовищному акценту Мерфи, то ли мысли о возможных чаевых.

По пути в бар они миновали плавательный бассейн, устроенный в скалах над морем. Молодая светловолосая женщина учила маленькую девочку плавать. У них были волосы одного цвета. «Видно, мать и дочь», – подумал Крейг. Женщина давала наставления на каком-то незнакомом Крейгу языке. В мягком подбадривающем голосе звучали веселые нотки. Кожа обеих уже слегка порозовела от солнца.

– Датчанки, – пояснил Мерфи. – Я слышал за завтраком. Надо бы как-нибудь съездить в Данию.

Две девушки, лежа ничком на надувных матрасах в стороне от ведущей к морю лестницы, наслаждались солнцем. Лифчики валялись рядом – очевидно, они не желали, чтобы на великолепных загорелых спинах остались предательские белые полосы. Коричневые ягодицы и гладкие длинные ноги выглядели особенно аппетитно. Трусики бикини были просто символической уступкой приличиям. Они походили на две свежеиспеченные булочки, теплые, вкусные и сытные. Между ними сидел молодой человек, актер, которого Крейг знал по двум-трем итальянским фильмам. Актер, тоже успевший загореть, в узеньких плавках, больше похожих на тесемку, выставлял напоказ стройное мускулистое безволосое тело. На груди блестел образок на золотой цепочке. Темноволосый роковой красавец, великолепное белозубое животное с хищной улыбкой пантеры.

Крейг неожиданно понял, что Мерфи глаз не сводит с трио у моря.

– Если бы я выглядел, как он, тоже скалился бы, – сказал Крейг в утешение. Мерфи громко вздохнул, и они пошли дальше.

В баре Мерфи заказал martini, не считаясь с рассуждениями жены о тропиках. Крейг попросил пива.

– Ну, – провозгласил Мерфи, подняв бокал, – за тебя, старик. Как замечательно, что мы наконец-то состыковались. Знаешь, ты не слишком подробно рассказывал о себе в письмах.

– Рассказывать особенно нечего. Хочешь, чтобы я утомял тебя нудным описанием деталей своего развода?

– Подумать только, после всех этих лет... – Мерфи покачал головой. – Никогда бы не подумал. Что ж, от судьбы не уйдешь. Если не было другого выхода... Кстати, я слышал, ты завел новую девочку в Париже.

– Не такую уж и новую.

---

¹³ Добрый день, господа (фр.).

¹⁴ Джин с шипучкой для дамы в бунгало сорок два, пожалуйста (ит.).

¹⁵ Да, да, синьор (ит.).

– Счастлив?

– Ты слишком стар, Мерфи, чтобы задавать подобные вопросы.

– Самое забавное, я чувствую себя таким же молодым, как в тот день, когда покончил с армией. Глупее, но не старше. Черт, давай оставим эту тему. Она меня угнетает. Как насчет тебя? Что ты здесь делаешь?

– Ничего особенного. Убиваю время.

– Эта девчонка, Гейл Маккиннон, всячески пыталась вытянуть из меня, что, по моему мнению, привело тебя в Канны. Собираешься снова работать? – Мерфи испытующе посмотрел на него.

– Возможно. Если подвернется что-нибудь стоящее. И если найдется какой-нибудь псих, готовый меня спонсировать.

– И не только тебя, – кивнул Мерфи. – В наши дни лишь безумцы способны дать денег на фильм.

– Насколько я понимаю, люди не становятся в очередь у твоих дверей, умоляя уломать меня работать на них.

– Ну и что? – оправдывался Мерфи. – Ты сам должен признать, что в последнее время вроде как удалился от дел. Если действительно хочешь работать, есть картина, в которой я заинтересован... пожалуй, я сумел бы это обтяпать. Я подумывал написать тебе, но не хотел зря беспокоить, пока не узнаю что-то более определенное. И денег особых это не принесет. Да и сценарий – дребедень. Кроме того, снимать собираются в Греции, а я знаю тебя и твои политические принципы...

Он так пространно извинялся, что Крейг не выдержал и улыбнулся.

– Словом, все лучше некуда, – заключил он. – Как говорится, на все сто.

– Ну... – снова завел Мерфи, – я же помню, как ты, попав впервые в Европу, отказался ехать в Испанию, потому что не одобрял сложившейся там политической обстановки, и...

– Я был тогда моложе, – перебил Крейг и снова налил пива из стоявшей на стойке бутылки. – Теперь, если отказываешься снимать фильм в странах, политический режим которых тебе не по вкусу, вообще можешь остаться ни с чем. Ты, разумеется, ни за что не стал бы снимать в Америке, верно?

– Не знаю, – протянул Мерфи. – Мой принцип прост: схватил денежки и беги со всех ног. – Он жестом велел бармену подать второй martini. – Так что? Если эта греческая история будет иметь продолжение, позвонить тебе?

Крейг поболтал пиво в стакане.

– Нет.

– Сейчас не время нос задирать, Джесс, – мрачно заметил Мерфи. – Ты так долго был вне игры, что, наверное, отстал от жизни. Кинематограф – это зона бедствия. Люди, получавшие семьсот пятьдесят тысяч долларов за картину, теперь согласны работать за пятьдесят. И не всегда находят работу.

– Ясно.

– Если тебе за тридцать, значит, ничего не светит. Все пытаются открыть новый талант: какого-нибудь неизвестного парнишку с длинными патлами, который бы сделал для них еще одного «Распутника» меньше чем за сотню. Просто помешались на этом.

– Это всего-навсего кино, Мерфи, – возразил Крейг. – Твое любимое развлечение. Не принимай его так близко к сердцу.

– Ничего себе развлечение, – буркнул Мерфи. – Но ты меня беспокоишь. Слушай, не хотелось бы вспоминать неприятное, особенно на отдыхе, но, насколько я знаю, у тебя неважно с зелеными...

– Что-то в этом роде, – признался Крейг.

– Твоя жена собрала адвокатов чуть не со всей страны, и парочка из них явилась в мой офис с судебным предписанием, чтобы просмотреть книги и убедиться, что я не перевел тебе тайком какие-нибудь денежки, которые она еще не прибрала к рукам. Кроме того, я узнал, что она требует половину твоего капитала плюс дом. А твои ценные бумаги... – Мерфи пожал плечами. – Я не хуже тебя представляю, как обстоят дела на бирже. И почти пять лет ты не получаешь никаких доходов. Черт возьми, Джесс, если я сумею пробить эту греческую штуку, обязательно заставлю тебя за нее взяться. Только чтобы перебиться, пока не подвернется что-то подходящее. Ты меня слушаешь?

– Конечно.

– С тобой говорить – все равно что вопить в пустыне, – обиделся Мерфи. – Слишком уж ты самолюбив, Джесс. Ну было у тебя несколько провалов. Подумаешь! А у кого не было? Узнав, что ты едешь в Канны, я пришел в восторг. Наконец-то, – сказал я, – он приходит в себя. Можешь спросить у Сони, она подтвердит. Но ты стоишь и смотришь сквозь меня, хотя я дело говорю. – Он залпом осушил бокал и потребовал еще. – В прежние времена стоило тебе набить шишек – и уже наутро новые идеи кипели ключом.

– Так то в прежние.

– А я скажу, что следует делать в нынешние. Не важно, насколько ты талантлив или опытен, насколько добр к своей старой матушке, – все равно не дожدهшься, что люди придут к тебе и на коленях станут умолять взять у них десять миллионов и сделать для них картину. Нужно самому добывать деньги и предлагать идеи. И не только предлагать, но и развивать. Сделать сценарий. Чертовски хороший сценарий. Найти режиссера. И актера на главную роль. Актера, которого еще хотят смотреть. Парочка таких еще осталась. Составить бюджет под миллион долларов. И тогда я смогу идти искать спонсоров. Не раньше. Это голые факты, Джесс. Не слишком приятные, но что делать, надо смотреть правде в лицо.

– О'кей, Мерфи, – кивнул Крейг. – Пожалуй, я готов сделать именно это.

– Вот так-то лучше. Девушка упомянула о каком-то сценарии на твоём столе.

– В этот самый момент, – пожал плечами Крейг, – такие же сценарии лежат на столах в сотнях номеров отеля «Карлтон».

– Давай поговорим о том, что у тебя, – не отступал Мерфи. – Это действительно сценарий?

– Угу.

– Она спрашивала меня, знаю ли я что-нибудь о нем.

– И что ты ответил?

– Какого черта я должен был ответить, – раздраженно фыркнул Мерфи, – если понятия ни о чем не имею? Тебя этот сценарий интересует?

– Можно сказать и так, – кивнул Крейг. – Да.

– Чей он? – с подозрением спросил Мерфи. – Если студия его завернула, плюнь и забудь. Только даром время тратишь. Слухи о неудачах сейчас разносятся со скоростью света.

– Никто его не отклонял. И никто не видел, кроме меня.

– Кто его написал?

– Парнишка один, – уклончиво откликнулся Крейг. – Ты его не знаешь. И никто о нем не слышал.

– Как его зовут?

– Предпочел бы пока не говорить.

– Даже мне?

– Особенно тебе. Согласись, ты известное трепло. Не хочу, чтобы до него добрались акулы.

– Что ж, – неохотно согласился Мерфи, – пожалуй, это имеет смысл. У тебя на него права?

– Опцион. На шесть месяцев.

– И сколько это стоило?

– Сущие гроши.

– Небось главному герою и тридцати нет, а постельных сцен хоть отбавляй?

– Нет.

– Иисусе! – застонал Мерфи. – Сразу же два очка тебе в минус. Ладно, дай мне почитать, и посмотрим, что можно сделать.

– Потерпи несколько дней, – попросил Крейг, – я хочу еще раз хорошенько пройти по тексту и убедиться, что все на месте.

Мерфи долго пристально смотрел на него. Молча. Крейг был почти уверен, что тот почувствовал ложь. Наверное, не может сообразить, с какой целью он лжет и зачем ему это нужно, но распознал неправду, и этого вполне достаточно.

– Так и быть, – выговорил наконец Мерфи. – Когда я тебе понадобится, только свистни. Ну а пока, если у тебя в голове осталось хоть немного мозгов, обязательно потолкуй с девчонкой. Что называется, по душам. И заодно с каждым газетчиком, который тебе встретится. Господи, да пусть люди узнают, что ты еще жив! – Он опрокинул очередной бокал мартини и встал. – Ну а теперь обедать!

Они обедали в бунгало. Холодные омары оказались изумительными, и Мерфи заказал две бутылки белого вина, которые прикончил почти в одиночку. Рот у него не закрывался. Гейл Маккиннон он донимал грубоватыми, но добродушными шуточками, по крайней мере вначале.

– Пытаюсь выяснить, чем дышит чертово молодое поколение, – пояснил он, – прежде чем оно перережет мне глотку.

Гейл Маккиннон отвечала прямо и чистосердечно. Какова бы она ни была, но застенчивой ее трудно назвать. Она выросла в Филадельфии. Отец до сих пор там жил. Гейл была единственным ребенком. Родители развелись, и отец женился второй раз. Он был адвокатом. Сама Гейл поступила в Брин-Мор, но на втором курсе бросила колледж, нашла работу на филадельфийской радиостанции и пробыла в Европе полтора года. Их корпункт в Лондоне, но работа позволяет ей много путешествовать. Европа ей нравится, но она намеревается вернуться на родину и обосноваться в Штатах. Предпочтительно в Нью-Йорке.

В этом она походила на тысячи других американских девушек, которых Крейг встречал в Европе: полных надежд, юношеского энтузиазма и, как правило, обреченных кануть в неизвестность.

– А приятель у тебя есть? – допытывался Мерфи.

– По-настоящему никого.

– А любовники?

Девушка рассмеялась.

– Мерф, – укоризненно покачала головой Соня.

– Не я же придумал общество вседозволенности, – отбивался Мерфи, – а вот такие, как она. Проклятый молодняк. – Он снова обратился к девушке: – Интересно, все парни, которых вы интервьюируете, пытаются вас клеить?

– Не все, – улыбнулась она. – Самым забавным был старый рабби из Кливленда, который оказался проездом в Лондоне по пути в Иерусалим. Пришлось бороться не на жизнь, а на смерть в номере отеля «Беркли». Отбивалась отчаянно. К счастью, его самолет улетал через час. У него была шелковистая борода.

Крейгу стало не по себе от таких откровений. Уж слишком девушка напоминала его дочь Энн. Подумать страшно, что и она способна вот так разговаривать со старшими в отсутствие отца!

Мерфи продолжал распространяться о кризисе в кинематографе.

– Возьмите хоть «Уорнер бразерс», – разглагольствовал он. – Знаете, кто ее купил? Похоронная компания. Ну как вам нравится такой дерьмовый символизм? А вопрос возраста? Сколько рассуждений о революциях, пожирающих молодежь? У нас здесь своя революция, только на этот раз пожирают стариков. Вам-то, конечно, это нравится, мисс Всезнайка?

Вино пробудило в нем агрессивность.

– Отчасти, – спокойно откликнулась Гейл Маккиннон.

– Едите моего омара, – упрекнул Мерфи, – и смеее говорить «отчасти»!

– Лучше посмотрите, до чего довели нас старики! – защищалась Гейл. – Хуже уже ничего быть не может!

– Слышали мы эту песню, – отмахнулся Мерфи. – Детей у меня, слава Богу, нет, но я довольно наслушался отпрысков моих приятелей. Молодые не смогут сделать хуже, даже если очень постараются. Позвольте мне заметить, мисс Гейл Всезнайка: могут, да еще как. Намного. Намного хуже. Включайте свой магнитофон, я вставлю это в интервью. Поделюсь с публикой собственным мнением.

– Помолчи немного, Мерф, и доедай, – велела Соня. – Бедняжка достаточно натерпелась твоих издевательств.

– Присутствую, но молчу, – проворчал Мерфи. – Таков мой девиз. Подумать только, что теперь таким, как они, дали право голоса! Рушатся основы!

Крейг испытал истинное облегчение, когда обед наконец закончился.

– Что же, – объявил он, вставая, – спасибо за жратву. Пора возвращаться.

– Джесс, – попросила Соня, – нехватишь мисс Маккиннон в Канны? Если она останется хоть ненадолго и Мерф выразит еще парочку своих мнений, иммиграционная служба не пустит его в Штаты, а ведь, возможно, он все-таки решит туда вернуться.

Гейл Маккиннон без улыбки смотрела на него, снова напомнив Крейгу дочерей. Они точно так же выжидали, пока он согласится заехать за ними после детского праздника.

– А как вы добрались сюда утром? – грубовато осведомился он.

– Приятель подбросил. Если вам неудобно, я могу взять такси.

– Да с вас три шкуры сдерут! Просто грешно бросать на ветер такие деньги, когда Джесс едет в ту же сторону. Идите одевайтесь, дитя мое, – заключила Соня. – Джесс вас дождется.

Гейл Маккиннон вопросительно посмотрела на Крейга.

– Разумеется, – согласился он.

– Сию минуту, – кивнула она, вставая. – Я сейчас.

– А малышка неглупа, – заметил Мерфи, нацедив в стакан последние капли вина. – Мне она нравится. Я ей не верю, но мне она нравится.

– Не так громко, Мерф, – прошипела Соня.

– Пусть знает, что я о ней думаю, – заупрямился Мерфи. – Пусть все они знают, на чем я стою. – Он допил вино. – Дай мне прочесть сценарий, Джесс. Чем скорее, тем лучше. Если он действительно хорош, пара телефонных звонков – и все улажено.

«Пара телефонных звонков, – подумал Крейг. – Хорошо ему рассуждать! После плотного обеда и двух бутылок вина вообразил, что сейчас шестидесятые, когда Брайан Мерфи еще был тем самым Брайаном Мерфи, а Джесс Крейг – тем самым Джессом Крейгом.»

Он с опаской глянул в сторону бунгало, где за хлипкой деревянной стенкой переодевалась девушка: Мерфи и в самом деле безбожно орал.

– Может, денька через два, Мерф, – пообещал он. – Только не распространяйся об этом, пожалуйста.

– Нем как могила, малыш. Гробница фирмы «Уорнер бразерс», – поклялся Мерфи и первым засмеялся собственной шутке. – Сегодня я не потратил времени даром. Старые друзья, новые девушки, омар на обед и синее-синее море. Как по-твоему, Джесс, богатые живут лучше?

– Да.

Из бунгало вышла Гейл Маккиннон. С плеча на длинном ремне свисала сумка. Она успела переодеться в белые облегающие джинсы и темно-синюю спортивную рубашку с короткими рукавами, под которой не было бюстгалтера: Крейг заметил, как маленькие круглые груди упруго натягивают хлопчатобумажную ткань. Очки она предпочла снять и в эту минуту казалась одним из морских существ – свежим, чистым и безопасным. Поблагодарив со скромной учтивостью хозяев, она нагнулась было, чтобы поднять магнитофон, но Крейг ее опередил:

– Я сам понесу.

Едва они стали подниматься по ведущей к бассейну и автостоянке дорожке, как Мерфи улегся отдохнуть. Толстуха по-прежнему лежала на животе, впитывая солнечные лучи, бесстыдно и зазывно расставив ноги. Потом с тяжким страдальческим вздохом перевернулась на спину и неприязненно уставилась на Крейга и девушку, нарушивших ее покой. Отекшее лицо было сильно наштукатурено, синяя тушь потекла на жару. Молодость миновала, и пройденная жизнь отметила ее клеймом эгоизма, похоти, жадности, тайного разврата, бессмысленной суетности. Лицо поразительно контрастировало со здоровой крестьянской дородностью тела. Крейгу женщина показалась чудовищной, и он поскорее отвел взгляд. Не дай Бог, она откроет рот. Ее голоса он не вынесет.

Он пропустил Гейл Маккиннон вперед и пошел следом, словно охраняя. Маленькие ноги в босоножках бесшумно ступали по обветренным камням. Ветер играл длинными прядями. Крейг неожиданно сообразил, что так встревожило его, когда он впервые увидел ее в патио Мерфи в солнечном сиянии. Она напомнила ему жену Пенелопу в тот далекий июньский день на берегу Лонг-Айленда, такую же девически-юную и розовую, замершую на песчаной дюне, спиной к надвигающемуся приливу.

Датчанка, прислонившись к скалам, что-то читала; дочь сидела рядом, положив белокурую головку на плечо матери.

Опасные места для прогулок.

Последуй совету дряхлого старикашки. Попробуй.

Уже подходя к машине, Гейл Маккиннон снова спряталась за своими дурацкими темными очками.

ГЛАВА 5

Выехав с территории отеля, Крейг по старой памяти свернул не к Каннам и Жюан-ле-Пен, а в сторону Антиба. На второй год брака они снимали виллу в тех местах, и сейчас он с некоторым сожалением сообразил, что его по-прежнему туда тянет.

– Надеюсь, вы не спешите? – спросил он девушку. – Я поеду окружным путем.

– Сегодня у меня нет занятия лучше, чем ехать окружным путем рядом с Джессом Крейгом.

– Я жил когда-то неподалеку, – пояснил он, – но тогда все казалось куда приятнее.

– Здесь и сейчас приятно.

– Похоже, вы правы. Только домов прибавилось.

Он сбросил скорость. Дорога вилась по берегу моря. Россыпь небольших парусов поблескивала на горизонте. Старик в полосатой рубашке удил рыбу со скал. В небе шла на посадку «каравелла», собиравшаяся приземлиться в Ницце.

– Значит, вы бывали здесь раньше? – поинтересовалась Гейл.

– И не один раз. Впервые в сорок четвертом, когда еще не кончилась война...

– И что делали? – В голосе ее прорезалось удивление.

– А еще утверждали, что все про меня знаете, – поддразнил он. – Я-то вообразил, что мое прошлое для вас – открытая книга.

– Не совсем.

– Сидел в джипе, вместе с военными кинооператорами. Седьмая армия высадилась на южном побережье Франции, и нас послали из Парижа сюда, в самую гущу событий, – заснять боевые действия. Линия фронта проходила у Ментоны, всего в нескольких милях отсюда. Со стороны Ниццы доносилась орудийная пальба...

Но тут он подумал, что очень походит на типичного болтливового ветерана, которого хлебом не корми, только дай удариться в воспоминания, и оборвал себя на полуслове. Все это древняя история. Цезарь приказал разбить лагерь на холмах, вознесенных над рекой. Войско гельветов встало строем на другом берегу реки. Для сидевшей рядом девушки и рассказ об армии Цезаря, и описание пехотных частей американцев у Ментоны были пустым звуком, затерянным в песках времени. Да и вообще – изучают ли молодые латынь?

Он искоса взглянул на нее. Очки, ее надежное прикрытие, перед которым он беззащитен, раздражали его. Ее невежество, простодушный недостаток юности, раздражало его. Слишком много преимуществ на ее стороне.

– Зачем вы носите эту чертову штуку? – не выдержал он.

– Имеете в виду очки?

– Именно.

– Вам они не нравятся?

– Нет.

Она молниеносно сорвала очки, швырнула в окно и улыбнулась:

– Так лучше?

– Намного.

Оба засмеялись. И Крейг уже не жалел, что Соня Мерфи вынудила его взять девушку с собой.

– А как насчет вчерашней кошмарной футболки? – не успокаивался он.

– Эксперимент. Меняю обличья в зависимости от обстоятельств.

– А сегодня? Кого вы изображаете сегодня? – развеселился Крейг.

– Милая, чистенькая, невинно-кокетливая, в стиле современного феминизма девушка, – пояснила она. – Специально для мистера Мерфи и его жены.

Она раскинула руки, словно пытаясь разом обнять море, скалы, сосны, бросавшие причудливые тени на дорогу, весь жаркий полдень.

– Я никогда не была здесь раньше, но чувствую себя так, будто мне с детства знакомо это побережье.

Она устроилась на сиденье с ногами и повернулась к Крейгу:

– Я обязательно вернусь сюда. Буду возвращаться снова, снова и снова. Пока не превращусь в дряхлую старушку в широкополой соломенной шляпе и с палкой. А вы? Думали вы во время войны, думали ли, что когда-нибудь приедете сюда?

– В то время я мечтал только о том, чтобы оказаться дома, живым и невредимым.

– Вы уже тогда хотели заняться театром и кино?

– Честно говоря, не помню.

Он попытался воскресить в памяти тот давний сентябрьский день: джип, летевший на звуки артиллерийского обстрела, четверо солдат в касках и с камерами и карабинами, очутившиеся на прекрасном, пустынном побережье, где никто из них раньше не бывал. А мимо проносятся взорванные доски¹⁶ и виллы с окнами на море, замаскированные камуфляжными сетками. Как звали остальных троих, что были с ним в джипе? Имя водителя – Харт. Точно. Малкольм Харт. Несколько месяцев спустя он был убит в Люксембурге. Фамилии остальных вылетели из головы. Они остались в живых.

– Наверное, – произнес он, – я действительно подумывал о том, чтобы после войны заняться кино. Что ни говори, а у меня в руках была кинокамера. В армии меня научили с ней обращаться лучше всяких операторских курсов, а в войсках связи было полно людей из Голливуда. Но оператор из меня средненький. Так, на скорую руку, для военных нужд. Я знал, что не пойду по этой дорожке после войны.

Он с ностальгической грустью вспоминал далекое время, когда был молодым человеком в армейском мундире своей страны, которому в тот день не грозила опасность схлопотать пулю.

– В сущности, – продолжал Крейг, – мое появление в театре – чистая случайность. Возвращаясь в Штаты из Гавра на транспортном судне, я сел играть в покер с Эдвардом Бреннером. Так мы познакомились, подружились, и он рассказал, что написал пьесу, пока ждал в Реймсе отправки домой. Я, естественно, кое-что знал о театральной кухне, потому что отец таскал меня в театр с девяти лет, и попросил Бреннера дать мне ее почитать.

– Видно, вам повезло в покер, – заметила девушка.

– Пожалуй, – согласился Крейг.

Собственно говоря, они сблизились не столько во время той партии в покер, сколько позже, на палубе, под ярким солнцем, когда Крейгу наконец удалось найти укромный уголок, где не так дуло, и раскрыть томик «Десять лучших американских пьес 1944 года», присланный отцом. Какой был у него номер полевой почты? Когда-то он был уверен, что в жизни его не забудет. Бреннер дважды прошелся мимо, бросил взгляд на книгу и наконец, присев по-крестьянски на корточки, спросил:

– Ну как? Ничего? Я о пьесах.

– Так себе, – ответил Крейг.

Вот так они разговорились. Выяснилось, что Бреннер родом из Питсбурга и до призыва в армию учился в Технологическом институте Карнеги, а заодно посещал сценарные курсы и интересовался театром. На следующий день он показал Крейгу свою пьесу.

На вид Бреннер был довольно непрезентабелен: тощий, бледный мальчишка с печальными темными глазами и не слишком грамотной речью. Говорил он нерешительно, то и дело запинаясь, и в толпе ликующих, орущих мужчин, наконец-то возвращавшихся домой с войны,

---

¹⁶ Долговременное огневое сооружение.

выглядел белой вороной и чувствовал себя не в своей тарелке. Мешковатая солдатская гимнастерка придавала ему совсем невоенный, слегка смущенный вид, будто он постоянно удивлялся, что сумел уцелеть в трех кампаниях, и знал, что уж в четвертой ему точно не выжить. Крейг неохотно согласился прочитать его пьесу, заранее придумывая обтекаемые, утешительные фразы отзыва, чтобы не задеть Бреннера. Он оказался совершенно не готов к взрыву бурных эмоций, жестокой правде, полному отсутствию сентиментальности и четким композиционным рамкам, выгодно отличавшим первую пьесу обыкновенного пехотинца.

Хотя сам Крейг не имел никакого театрального опыта, он все же видел достаточно пьес, чтобы с присущим юности эгоизмом верить в безупречность собственного вкуса. И теперь он с восторженным энтузиазмом, не скупясь на добрые слова, превозносил пьесу Бреннера, и к тому времени, когда судно миновало статую Свободы, они уже крепко подружились и Крейг обещал Бреннеру, что упросит отца показать пьесу продюсерам.

Бреннеру пришлось ехать в Пенсильванию, чтобы демобилизоваться и возобновить занятия в Технологическом институте. Крейг остался в Нью-Йорке, делая вид, что ищет работу. Правда, они переписывались, хотя новостей почти не было. Отец Крейга, верный слову, обращался к знакомым продюсерам, но все дружно отвергли пьесу.

«Они считают, – писал Крейг Бреннеру, – что никто и слышать не желает о войне. Вот идиоты! Не отчаивайся. Уверен, что рано или поздно пьесу поставят».

Пьесу действительно поставили, но лишь потому, что отец Крейга умер и оставил сыну двадцать пять тысяч долларов.

«Понимаю, – писал Крейг, – что сама идея безумна. Я никакой не продюсер, но думаю, что разбираюсь в этом деле куда лучше тех ослиных задниц, которые зарубили твою пьесу. Я изучил ее от первой до последней буквы. И если ты готов поставить на карту свой талант, я ставлю свои кровные».

Через два дня Бреннер прилетел в Нью-Йорк и больше никогда носа не совал в Питсбург. Не имея ни цента в кармане, он был вынужден поселиться в номере отеля «Линкольн», где уже жил Крейг. Все пять месяцев, которые ушли на постановку пьесы, они практически не расставались.

До этого они переписывались целый год, выверяя и оттачивая каждую строку, так что постепенно пьеса стала их общим детищем, и оба ужасно удивлялись, когда в процессе постановки выяснялось, что их отношение к людям и идеям, с которыми они сталкивались, не всегда совпадало.

Как-то режиссер, молодой человек по фамилии Баранис, имевший некоторый опыт работы в театре и уверенный, что оба новичка должны ловить каждое его слово, пожаловался, когда какое-то его предложение было хладнокровно отвергнуто без всякого обсуждения:

– Господи, бьюсь об заклад, у вас, парни, и сны, наверное, одинаковые!

Как ни странно, предметом их единственного серьезного разногласия стала Пенелопа Грегори, позже Пенелопа Крейг. Агент рекомендовал ее на маленькую второстепенную роль, и она произвела благоприятное впечатление своей красотой и глубоким мягким голосом и на Бараниса, и на Крейга. Только Бреннер остался тверд, как скала.

– Ну да, она красива, – соглашался он. – Верно, у нее потрясающий голос, но в ней есть что-то не внушающее доверия. Не спрашивайте меня, что именно.

Они упростили Пенелопу познакомиться еще раз, но Бреннер и слышать ничего не пожелал, и в конце концов ее пришлось заменить девушкой попроще.

Во время репетиций Бреннер так нервничал, что не мог ни крошки проглотить. В обязанности Крейга входило не только кормить его, но и ругаться с театральным художником, договариваться с профсоюзом рабочих сцены и следить, чтобы исполнитель главной роли не запил. Приходилось силой тащить Бреннера в рестораны и там силой впихивать в него хоть немного еды, чтобы он не упал в голодный обморок до того, как поднимется занавес.

В тот день, когда появились афиши с названием их пьесы, Крейг увидел Бреннера на тротуаре в грязном плаще, единственном, который у него был. Он зачарованно пялился на надпись:

«„Пехотинец“. Автор Эдвард Бреннер».

При этом он трясся, как в приступе малярии, и, заметив Крейга, разразился безумным смехом.

– Это невероятно, братец, – бормотал он, – просто бред какой-то. У меня такое чувство, словно сейчас кто-то встряхнет меня как следует и я проснусь, и увижу потолок своей питсбургской комнатенки.

Все еще дрожа, он позволил Крейгу увести себя в аптеку и заказать молочный коктейль.

– Я словно раздваиваюсь, – признался он, вертя в руках стакан. – Не могу дожидаться премьеры – и в то же время думать не желаю об этом. И не только потому, что боюсь провала. Просто не желаю, чтобы все это кончилось. – Он широким жестом обвел автомат с газировкой. – Репетиции. Чертов номер в отеле «Линкольн». Баранис. Твой храп в четыре утра. Я твердо знаю, что это никогда не повторится. Понимаешь, о чем я?

– Вроде бы, – кивнул Крейг. – Допивай свой коктейль.

Когда в ночь премьеры по телефону стали сообщать первые отклики, Бреннера вывернуло наизнанку прямо в номере. Он загадил весь пол, извинился, заявил: «Буду любить тебя до самой смерти», – выпил полбутылки виски и отключился. И пребывал в таком состоянии до следующего дня, когда Крейг разбудил его, бросив на одеяло вечерние газеты.

– Каким он был тогда, – нарушила его размышления Гейл Маккиннон, – Эдвард Бреннер? Когда вы впервые с ним встретились?

– Обыкновенный солдат, испытавший на себе все тяготы войны, – пожал плечами Крейг и, сбросив скорость, показал на холм, где среди сосен возвышалась белая вилла. – Тут я и жил. Летом сорок девятого.

Девушка оглядела невысокое длинное здание с террасой под оранжевой маркизой, защищавшей плетеную мебель от беспощадного солнца.

– Сколько вам тогда было?

– Двадцать семь.

– Неплохо для двадцати семи, – заметила она. – Милый домик.

– Да, – согласился Крейг, – неплохо.

Что осталось в памяти о том лете?

Разрозненные картины. Беспорядочные образы.

Пенелопа на водных лыжах в заливе Ла-Гаруп, стройная, загорелая, с летящими по ветру волосами, подчеркнуто грациозная в цельном черном купальнике, отважно разрезает волны в кильватере моторного катера. Бреннер в катере рядом с ним, снимает Пенелопу. Та дурачится, имитируя рискованные балетные трюки, и машет рукой камере.

Сам Бреннер, пробуя стать на водные лыжи. Он упорно повторяет попытку за попыткой и раз за разом плюхается в воду – неуклюжая личность, сплошные кости и суставы, большой печальный нос и сутулые плечи, сожженные солнцем. В конце концов его, порядком нахлебавшегося воды, все же выуживают, а он, отплеываясь, повторяет:

– Ни на что я не гожусь, чертов интеллект!

И Пенелопа целится в него камерой, как револьвером, и смеется, стараясь сохранить равновесие в неустойчивом катере.

Танцы в бархатисто-темную ночь на площади древнего, огороженного стенами города Олеле-Кань, под бренчащую французскую музыку, и фонари, раскачиваясь, отбрасывают то свет, то тени на танцующие пары. Пенелопа, миниатюрная, чистенькая, невесомая в его объятиях, целует его за ухом, обдавая ароматами моря и жасмина, и шепчет:

– Давай останемся здесь. Навсегда.

И Бреннер, сидящий за столом, слишком застенчивый, чтобы танцевать, разливает вино в бокалы и пытается общаться с мрачной жестколицей француженкой, которую подцепил накануне в казино Жюан-ле-Пен, старательно выговаривая одну из десяти французских фраз, выученных за все это время:

– Je suis un fameux écrivain a New-York.¹⁷

Возвращение домой в предзвездном зеленом тумане из Монте-Карло, где они совместными усилиями выиграли сто тысяч франков (по курсу шестьсот пятьдесят за доллар). Крейг за рулем маленькой открытой машины, Пенелопа между обоими мужчинами, голова ее лежит на плече Крейга, и Бреннер орет во всю глотку своим хриплым голосом:

– Подумать только, мы здесь, на Большом Карнизе!!

И все вместе пытаются спеть хором новую песню «Опавшие листья», услышанную вчера впервые.

Обед на террасе белой виллы, под огромной оранжевой маркизой. Все трое еще не обсохли после утреннего купания. Пенелопа, такая хорошенькая в белых хлопчатобумажных брючках и синей матроске, влажные волосы подняты вверх и заколоты, буквально излучает чувственное притяжение. Она ставит цветы в вазу на белом металлическом обеденном столе, мягкими загорелыми руками касается бутылки вина в ведерке со льдом, проверяя, достаточно ли оно охладилось, пока старушка кухарка, полагающаяся в придачу к дому, шаркая, вносит холодный суп и салат на большом глиняном блюде, купленном в соседнем Валлорисе. Как ее звали? Элен? В неизменном черном платье, трауре по десяти поколениям ее семьи, умершим в стенах Антиба, она нежно хлопотала над троицей, которую называла «mes trois beaux jeunes Américains»¹⁸. Ни у кого из них до сих пор не было прислуги, да еще такой, которая украшала бы стол белыми, красными и голубыми цветами в праздники Четвертого июля и День взятия Бастилии.

Резкий, острый, всюду проникающий запах нагретых солнцем сосновых игл.

Долгие послеполуденные сиесты. Пенелопа в его объятиях на огромной постели в затененной комнате с высокими потолками. Полумрак то там то сям рассекают полосы света, пробивающегося сквозь щели закрытых жалюзи. Ежедневные любовные схватки, жаркие, безумные, нежные и страстные. Сплетающиеся грациозные молодые тела, чистые, чуть соленые от пота, благодарные, знакомые ласки, радость взаимного обладания, судороги экстаза, фруктовый вкус вина на губах при поцелуе, негромкий смех, шепот, наполняющие душистую комнату, медленное, легкое, возбуждающее касание длинных ногтей Пенелопы, которыми она шаловливо проводит по упругим мускулам его живота.

Та августовская ночь. Они с Пенелопой сидят после ужина на террасе. Внизу сверкает спокойная гладь моря, ветер больше не шуршит в вершинах сосен, Бреннер где-то шатается с очередной девушкой, и Пенелопа признается Крейгу, что беременна.

– Рад или жалеешь? – спрашивает она тихим, дрожащим голосом.

Он наклоняется и целует ее.

– Думаю, другого ответа не нужно, – вздыхает она.

Крейг выходит в кухню и приносит из ледника бутылку шампанского, и они пьют за будущее при лунном свете и решают купить дом в Нью-Йорке, когда вернутся, потому что их квартира в Гринич-Виллидже теперь будет тесна для увеличившейся семьи.

– Только не говори Эду, – просила она.

– Почему?

– Он будет ревновать. И никому не говори – станут завидовать.

---

¹⁷ Я известный писатель в Нью-Йорке (фр.).

¹⁸ Мои три прекрасных молодых американца (фр.).

Утренняя обыденность. После завтрака Крейг и Бреннер загорают в одних плавках. На столе между ними лежит рукопись новой пьесы Бреннера, и Эдвард спрашивает:

– Что, если во втором акте поднимается занавес, сцена во мраке, а она выходит из-за кулис, направляется к бару – но публика видит только силуэт, – потом наливает себе виски, всхлипывает и одним глотком опрокидывает стакан...

Оба щурятся от беспощадного средиземноморского солнца, представляя сцену, скользкую в полумраке актрису перед притихшим, до отказа набитым залом в холодную зимнюю ночь в гостеприимном городе над океаном...

Они не покладая рук правят вторую пьесу Бреннера, о ноябрьской премьере которой Крейг уже объявил.

После «Пехотинца» он поставил еще две пьесы, и обе пользовались успехом. Одна все еще шла, и он решил наградить себя отдыхом во Франции и заодно провести с Пенелопой нечто вроде запоздалого медового месяца. Бреннер промотал почти весь гонорар, полученный за «Пехотинца», – кстати, денег оказалось не так уж и много, – и опять остался с пустыми карманами, но они возлагали большие надежды на новую пьесу. Впрочем, этот год для Крейга выдался удачным, у него хватало денег на всех, и он постепенно учился жить в роскоши.

Где-то в глубине дома слышится негромкий голос Пенелопы, совершенствующей свой французский в беседах с кухаркой... Спокойствие изредка нарушается случайными телефонными звонками приятелей или очередной девицы Бреннера, и Пенелопа неизменно отвечает, что мужчины работают и не могут подойти. Просто удивительно, сколько знакомых узнали, где они проводят лето, и скольким девушкам Бреннер успел дать номер.

В полдень выходит Пенелопа в купальнике и объявляет:

– Пора купаться.

Они ныряют со скал перед домом в глубокую, чистую, холодную воду, обдавая друг друга брызгами. Пенелопа и Крейг, неплохие пловцы, стараются держаться поближе к Бреннеру, который однажды едва не утонул, и при этом отчаянно колотил руками по воде и отплевывался, делая вид, что притворяется, хотя, очевидно, ему было не до смеха. Пришлось тащить его на сушу. Лежа на камнях, розовый, скользкий, он негодуяще провозгласил:

– Ох уж вы, аристократы, все-то умеете делать и никогда не утонете.

Мирные, приятные сцены.

Память, разумеется, обязательно подведет, дай ей только волю. Ни один временной период, даже месяц или неделя, которую позднее вы вспоминаете как самую счастливую в жизни, не была сплошным удовольствием.

Ссора с Пенелопой, случившаяся поздно ночью недели через две-три после их приезда на виллу. Из-за Бреннера. И хотя они заперлись в спальне с опущенными жалюзи, а стены были толстыми, приходилось говорить шепотом, чтобы не услышал Бреннер, поселившийся, правда, в другом конце дома.

– Он что, так и будет здесь торчать? – прошипела Пенелопа. – Мне надоело постоянно сталкиваться с ним нос к носу и видеть эту длинную унылую физиономию, которая вечно торчит за твоим плечом!

– Не так громко, умоляю.

– Я устала понижать голос из опасения обидеть бедняжку! – не сдавалась Пенелопа. Она сидела голая, на краю постели, расчесывая длинные светлые волосы. – Словно я не в собственном доме!

– А мне казалось, он тебе нравится, – удивился Крейг. Он уже почти засыпал в ожидании, пока она отложит щетку, погасит лампу и ляжет рядом. – Я думал, вы друзья.

– Мне он нравится, – пробормотала Пенелопа, яростно набрасываясь на собственные волосы. – И я понимаю: ты его друг. Но не двадцать же четыре часа в сутки быть рядом! Когда я выходила замуж, никто не позаботился предупредить, что брак будет коллективным!

– Ну какие двадцать четыре часа, – возразил Крейг, понимая, что крыть нечем. – Так или иначе, он, возможно, уедет, как только мы окончательно отработаем сценарий.

– Сценарий не будет готов, пока не кончится срок аренды! – с горечью заметила Пенелопа. – Я этого человека знаю.

– Не слишком дружелюбное замечание, Пенни.

– А может, это он не так уж дружески ко мне относится. Не думай, что мне неизвестно, из-за кого я не получила роли в «Пехотинце».

– Тогда вы даже не были знакомы.

– Ну а теперь познакомились.

Десять энергичных взмахов щеткой.

– Только не уверяй, будто, по его мнению, я самая великая актриса в Нью-Йорке после Этель Барримор.¹⁹

– Мы об этом не говорили, – смущенно признался он. – Только не кричи так.

– Естественно, не говорили. Бьюсь об заклад, вы о многом не говорили. И вообще, стоит вам поспорить о чем-то серьезном, вы меня не замечаете. Просто не замечаете.

– Это неправда, Пенни.

– Чистая правда, сам знаешь. Два великих ума, объединившись, решают судьбы мира, плана Маршалла, следующих выборов, атомной бомбы, системы Станиславского...

Щетка заходила в ее руках с силой поршня.

– Снисходительно выслушиваете меня, как слабоумное дитя...

– Ты абсолютно нелогична, Пенни.

– У меня своя логика, Джесс Крейг, не отрицай.

Он невольно рассмеялся, а она вторила ему. Наконец он едва выговорил:

– Бросай эту чертову щетку и иди спать.

Она тут же отшвырнула щетку, выключила свет и легла.

– Не заставляй меня ревновать, Джесс, – прошептала она, прикинув к нему. – И никогда не забывай обо мне. Никогда.

И дни потекли, совсем как раньше, словно и не было того полуночного разговора в спальне. Пенелопа обращалась с Бреннером как любящая сестра, заставляла его есть, «чтобы набрать жирка на костях», как она выражалась, и старалась не мешать, когда мужчины углублялись в беседу, незаметно вытряхивая пепельницы, принося бутылки, незлобиво подшучивая над подружками Бреннера, которые звонили, а иногда оставались на ночь и на следующее утро спускались к завтраку и просили одолжить купальник, чтобы окунуться перед возвращением в город.

– Я самый популярный секс-символ на Лазурном берегу, – утверждал Бреннер, сконфуженный, но польщенный намеками Пенелопы. – Ни в Пенсильвании, ни в Форт-Брэгге на это надеяться не приходилось.

И еще один неприятный вечер в конце августа, когда Крейг собирал вещи, надеясь успеть на ночной поезд до Парижа. Там хотел встретиться с главой киностудии и обсудить условия продажи прав на пьесу, которая все еще держалась на нью-йоркской сцене. Пенелопа вышла из ванной, кутаясь в халат; обычно мягкие карие глаза были холодно-настороженными. Она молча наблюдала, как он бросает в сумку рубашки.

– Сколько ты там пробудешь?

– Самое большее три дня.

– Захвати с собой этого сукина сына.

– Ты о ком?

– Сам знаешь, о чем я. О ком я.

---

¹⁹ Знаменитая американская актриса (1879—1959 гг.).

– Шшш.

– И не шикай на меня в моем же доме! Не собираюсь разыгрывать няньку этого гения, которого хватило всего на одну пьесу, этакого донжуана от металлургии²⁰, терпеть три дня, пока ты шляешься по значным местам Парижа...

– Нигде я не стану шляться, – запротестовал Крейг, пытаясь сохранить спокойствие. – Кому знать, как не тебе. А он сейчас на самой середине третьего акта. Поэтому и не хочу его отрывать...

– Жаль, что к жене ты не относишься так же заботливо, как к своему святому другу-прихлебателю. Вспомни, за все время, что он здесь живет, пригласил он нас на ужин? Хотя бы раз? Один-единственный?

– Какая разница, кто кого пригласит? Сама знаешь, у него сейчас туго с деньгами.

– Еще бы не знать! Он постарался сообщить об этом с самого начала! Интересно, откуда берутся деньги на каждодневные пьянки со шлюхами? Неужели ты и тут постарался обеспечить друга? Или чужие победы, пусть ничтожные и гнусенькие, так тебя возбуждают?

– У меня замечательная идея, – спокойно заметил Крейг. – Почему бы тебе не поехать со мной?

– Не позволю тебе выгнать меня из нашего дома ради сексуально озабоченного прилипалы вроде Эдварда Бреннера, – громко объявила Пенелопа, игнорируя приложенный к губам палец мужа, – и не позволю превратить виллу в публичный дом с полуголыми потаскухами! И тебе лучше предупредить его: отныне ему придется вести себя прилично. Не желаю больше разыгрывать мадам его личного борделя, записывать, кто звонил, и повторять: «Мистер Бреннер сейчас занят, Иветт, или Одиль, или мисс Большие Титьки, но он вам перезвонит».

«А ведь она ревнует, – поразился Крейг. – Кто поймет этих женщин?»

Но вслух попросил:

– Брось свои буржуазные штучки, Пенни. Они вышли из моды еще во время войны.

– Да, я буржуазка. Пусть так, – заплакала она. – Теперь тебе все ясно. Иди поплачься своему верному другу. Он тебе посочувствует. Великий Богемный Художник, который гроша медного не выложит из кармана, но зато всегда готов соболеznовать.

Она метнулась в ванную, заперлась и оставалась там довольно долго. Крейг уже опасался, что опоздает. Но стоило Бреннеру нажать на автомобильный гудок, как дверь ванной открылась и вышла Пенелопа, с сухими глазами, улыбающаяся и уже одетая. Сжав руку Крейга, она попросила:

– Извини за истерику. Что-то на меня нашло. Последнее время я не в своей тарелке.

Едва поезд отошел от перрона, Крейг высунулся из окна спального вагона. Пенелопа и Бреннер стояли рядом на платформе и в сумерках дружно махали ему.

После возвращения Крейга Бреннер вручил ему готовую рукопись и предупредил, что должен ехать в Нью-Йорк. Они решили встретиться там в конце сентября и устроили прощальную вечеринку. Уже сидя в поезде, Бреннер признался, что такого прекрасного лета у него в жизни не было.

После отъезда Бреннера Крейг прочитал окончательный вариант пьесы. Пробега глазами знакомые страницы, он все сильнее ощущал нараставшее с каждой минутой смятение, вскоре сменившееся всепоглощающей, гулкой пустотой. То, что во время совместной работы казалось забавным, живым и трогательным, сейчас безнадежно омертвело, потеряло всякие оттенки, лишилось красок. Крейг осознал, что все это время был ослеплен красотой лета, искренним восхищением талантом друга, притягательной радостью творчества. Теперь же, оценив пьесу взглядом беспристрастного читателя, он увидел, что перед ним мертворожденное

---

²⁰ Намек на Питсбург, центр металлургических заводов.

дитя, воскрешать которое нет смысла. И дело не только в том, что ее неминуемо ждал кассовый провал. Будь хотя бы единственный шанс, что пьеса понравится минимальному числу зрителей, Крейг испытал бы некоторое горькое удовлетворение оттого, что в этом есть и его небольшая заслуга. Но он был твердо убежден: эта работа Бреннера обречена на полное забвение.

Если бы автор не был его другом, Крейг немедленно отверг бы пьесу. Но Бреннер... Дружба дружбой, но если спектакль провалится, Бреннеру придется плохо. Очень плохо.

Не высказывая своего мнения, он дал пьесу Пенелопе. Она, разумеется, слышала их разговоры, знала, о чем идет речь, но ни разу не заглянула в текст. Актрисой она была посредственной, но обладала безошибочной интуицией, редкой проницательностью и строгим вкусом во всем, что было связано с театром. Дочитав рукопись, она спросила:

- Не пойдет, верно?
- Верно.
- Его распнут. И тебя вместе с ним.
- Переживу.
- Что будешь делать?
- Ставить, – вздохнул он.

Больше она об этом не заговаривала, и Крейг был благодарен ей за тактичность. Однако он не признался, что боится рисковать чужими деньгами и сам профинансирует постановку.

Репетиции превратились в настоящий кошмар. Он не сумел собрать подходящую труппу, потому что ни актерам, ни режиссеру, ни даже театральному художнику, к которым он обращался, пьеса не понравилась. Пришлось иметь дело либо с давно выдохшимися рабочими лошадками, либо с зелеными новичками, и ночами Крейг мучился, пытаясь объяснить, почему так происходит, не оскорбляя самолюбия Бреннера. Такому-то понравилась пьеса, но он уже связан контрактом с Голливудом, такая-то пообещала дожидаться новой пьесы Уильямса, а кто-то ушел на телевидение. Бреннер был безмятежно уверен в успехе. После первого и единственного триумфа он считал себя неуязвимым и неприкосновенным. Мало того, в самый разгар репетиций он женился. На некрасивой тихой женщине по имени Сьюзен Локридж. Черные прямые волосы, собранные в строгий пучок, придавали ей вид учительницы. Она ничего не понимала в театре и просиживала все репетиции, потрясенно глядя на сцену и, очевидно, полагая, что все спектакли репетируют одинаково.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.